

Мир приключений

Томас Майн Рид

В поисках белого бизона

МИР
СЕМЕЙНОГО
РОСЫТА

Томас Майн Рид

**В поисках белого
бизона (сборник)**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УДК 821.111
ББК 84.4(Вел)

Майн Рид Т.

В поисках белого бизона (сборник) / Т. Майн Рид —
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»,

Корсиканец Ленди и трое его сыновей эмигрировали из Франции в США. Семья промышляет там охотой. Однажды Ленди получает письмо от старого друга Шарля Люсьена. Люсьен просит прислать ему шкуру белого бизона. Трое сыновей Ленди отправляются в рискованное и полное опасности путешествие по прериям, чтобы добыть драгоценную шкуру... («В поисках белого бизона») Матрос и трое мичманов оказываются в пустыне. Чужие земли и незнакомая стихия, испытания, невольничий плен, жестокие хозяева. Смогут ли свободолюбивые герои сбросить рабские оковы? («Молодые невольники»)

УДК 821.111
ББК 84.4(Вел)

© Майн Рид Т.
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга»

Содержание

В поисках белого бизона	6
Глава I	6
Глава II	8
Глава III	11
Глава IV	13
Глава V	16
Глава VI	19
Глава VII	22
Глава VIII	25
Глава IX	29
Глава X	32
Глава XI	36
Глава XII	45
Глава XIII	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Майн Рид
В поисках белого бизона (сборник)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

* * *

В поисках белого бизона

Глава I **Дом охотника-натуралиста**

Пойдемте со мной к великой реке Миссисипи. Это самая длинная река в мире. Если бы Миссисипи вытянуть в одну прямую линию, то длина этой линии равнялась бы расстоянию до центра Земли. Другими словами, длина Миссисипи – четыре тысячи миль. Пойдемте же со мной к этой величественной реке. Я приглашаю читателей не к самому ее истоку, а к Пойнт-Купе, городу, расположенному в трехстах милях от устья. Там мы на некоторое время остановимся, совсем ненадолго, так как нам предстоит большое путешествие. Путь наш лежит далеко на запад – по необъятным прериям Техаса, и мы начнем свое путешествие от Пойнт-Купе.

Возле Пойнт-Купе есть старенькая деревушка, не совсем обычная, похожая на французскую. Это одно из самых ранних поселений тех, кто вместе с испанцами был в числе первых колонистов запада Америки. Поэтому до сих пор по всей долине Миссисипи и районам, расположенным к западу от реки, встречаются французы и испанцы, французские и испанские имена и обычаи.

Сейчас мы не будем на этом долго останавливаться, да нам, собственно, больше и нечего добавить о Пойнт-Купе. Предметом нашего внимания является странного вида дом, который много лет назад стоял на западном берегу реки за милю от деревни. Весьма возможно, что он стоит там и поныне, так как это был крепкий, хорошо построенный дом из тесаных бревен, тщательно прошпаклеванных, все щели были промазаны известью. Крыша из кедровой дранки, выступая над карнизом, защищала стены от дождя. Такой дом в данной местности называют «двойным», так как посередине его – широкий проход, по которому мог бы проехать воз с сеном. Этот внутренний проход имел такие же крышу и потолок, что и дом, и такой же пол из крепких досок. Поднятый на фут от земли пол выдавался вперед, образуя крыльцо или веранду, легкую крышу которой поддерживали резные столбики из кедра. Столбики и перила веранды были обвиты кустами роз, а также диким виноградом и другими вьющимися растениями, на которых почти круглый год распускались прекрасные цветы.

Дом выходил фасадом к реке и стоял, как я уже сказал, на западном берегу – на той же стороне, что и Пойнт-Купе. Перед домом простирался луг, он тянулся ярдов на двести в сторону реки и кончался обрывом. Луг был окружен высокой изгородью, на нем росли кустарник и декоративные деревья. Большинство их было местного происхождения, но встречались и экзотические. Здесь росли магнолия, вся в крупных белых цветах, красная шелковица, катальпа с бледно-зелеными листьями, высокое тюльпановое дерево и апельсиновые деревца с блестящей листвой. На фоне яркой листвы этих деревьев выделялись темные конусообразные кедры и островерхие тисы. Тут были и финиковые пальмы, и плакучие ивы, грациозно склонявшиеся над самой водой. Можно было увидеть и другие растения и деревья южного климата: большое мексиканское алоэ, юкку с узкими и длинными листьями, похожими на штыки, и карликовую пальму с веерообразными листьями. В гуще листвы и над лугом порхало множество красивых разнообразных птиц.

Проход, о котором уже упоминалось, представлял собой любопытную картину. Это был скорее зал. С обеих сторон по стенам его было развешено различное охотничье снаряжение: ружья, дробовики, подсумки, флажки, охотничьи ножи и все виды капканов и сетей –

короче говоря, все то, чем можно добывать диких обитателей земли, воздуха и воды. На стене висели испанские и мексиканские седла, рога оленя и лося, на этих ветвистых рогах были развешаны волосяные уздечки. На полочках по стенам стояли искусно сделанные чучела редких птиц и животных. Здесь имелись также застекленные ящики с расположенными в систематическом порядке бабочками и другими насекомыми, наколотыми на булавки. Иными словами, этот зал напоминал маленький музей живой природы.

Войдя внутрь дома, читатели обнаружили бы там несколько просторных комнат, уютно обставленных и заполненных охотничьим снаряжением и различными предметами, относящимися к изучению естественной истории. В одной из комнат мы увидели бы на стене барометр и термометр, старые часы над камином, саблю, пистолеты и книжный шкаф с ценными, тщательно подобранными книгами.

За домом находилась маленькая бревенчатая кухня, содержащая обычную кухонную утварь. Дальше тянулся крытый двор, на одном конце которого стояли амбар и конюшня. В конюшне помещались четыре лошади, а за перегородкой – несколько мулов. Во дворе наше внимание привлекла бы большая рыжая собака с длинными ушами, очень похожая на охотничью.

Издали этот дом выглядел как усадьба богатого плантатора, но при ближайшем рассмотрении становилось очевидным, что это не так. Здесь не было ни негритянских лачуг, ни сахароварен, ни складов табака, которые неизбежны около жилища плантатора, – ничего подобного. Не было перед домом и большого участка обработанной земли. Темный кипарисовый лес, на фоне которого стоял дом, бросал тень почти до самых стен. Нет, это не дом плантатора. Чей же он и кто его обитатели? Это дом охотника-натуралиста.

Глава II

Охотник-натуралист и его семья

В 1815 году произошла знаменитая битва при Ватерлоо, и в этом же году Наполеона Бонапарта сослали на остров Святой Елены. Многие французские офицеры, сторонники этого великого авантюриста, эмигрировали в Америку. Большинство из них, естественно, отыскивали французские поселения на Миссисипи, понастроили себе дома и остались там жить. Среди эмигрантов был один по имени Ленди, бывший полковник стрелкового полка наполеоновской армии. Корсиканец по происхождению, он стал офицером французской армии только потому, что в молодости дружил с одним из родственников Бонапарта, а на самом деле его еще с юности гораздо больше привлекала наука, чем военная служба.

Во время испанской кампании Ленди женился на баскской девушке, которая родила ему троих детей, – все сыновья. Мать умерла незадолго до битвы при Ватерлоо, поэтому, когда Ленди эмигрировал в Америку, его семья состояла только из него и троих детей. Сначала Ленди отправился в Сент-Луис, но вскоре перебрался вниз по реке к Пойнт-Купе в Луизиану, где купил себе дом, который мы с читателями только что видели, и поселился в нем. Разрешите сразу же пояснить, что Ленди ни в коей мере не нуждался. Перед отъездом в Америку он продал доставшееся ему от отца имение на Корсике за такую сумму, которая давала ему возможность жить, не работая, где угодно. Ему не было необходимости избирать себе на новом месте жительства какое-либо ремесло или специальность. Чем же тогда было заполнено его время? Сейчас расскажу.

Ленди был образованным человеком. До вступления во французскую армию он изучал естественные науки. Он был натуралистом, а натуралист может найти себе занятие везде, получить ценные сведения и удовольствие там, где другие будут умирать от скуки и безделья. Помните: камни поучают, а ручки заменяют книги. Ленди не был кабинетным натуралистом. Как и знаменитый Одюбон¹, он был увлечен внешним миром и любил брать уроки у самой природы. В Ленди сочетались страсть к охоте и тонкий вкус к научным исследованиям, и где бы он нашел лучшее место для всего этого, как не в долине Миссисипи, которая изобиловала природными дарами, представлявшими интерес как для охотника, так и для ученого! С моей точки зрения, он выбрал для своего проживания как нельзя более удачное место.

Ленди не сидел без дела: он охотился, ловил рыбу, изготавливал чучела птиц и выделявал шкуры редких зверей, сажал и подрезал деревья, воспитывал своих мальчиков и тренировал собак и лошадей. Его мальчики помогали ему во всем, в чем могли. Был у него и еще один помощник – Гуго. Кто такой Гуго? Сейчас я опишу его. Гуго – очень маленький француз, не выше пяти футов и четырех дюймов ростом, чрезвычайно живой и подтянутый. У него был орлиный нос внушительных размеров и, несмотря на маленький рост, огромные усы, которые почти скрывали рот. Это придавало Гуго довольно свирепый вид, что в сочетании с военной выправкой и быстрыми, почти механическими движениями сразу говорило о том, кто он такой, а именно – французский солдат. Он и в самом деле раньше был капралом стрелкового полка, где Ленди служил полковником. Об остальном вы легко догадаетесь: Гуго последовал в Америку за своим бывшим командиром, он жил теперь в его доме и был ему верным слугой. Редко можно было встретить натуралиста и не увидеть рядом с ним огромные усы. Если бы судьба надолго разлучила Гуго с его полковником, это убило бы старого капрала.

Конечно, Гуго всегда сопровождал своего хозяина на охоте. Мальчики тоже, как только научились держаться в седле, стали ездить с отцом в его научные и охотничьи экспедиции.

¹ Одюбон Джон Джеймс (1780–1851) – американский ученый-орнитолог. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Обычно, когда все уезжали на охоту, дом запирали, так как у Ленди не имелось ни домоправительницы, ни каких-либо других слуг. Дом оставался запертым на несколько дней, а иногда и недель, поскольку натуралист со своим маленьким отрядом предпринимал далекие экспедиции в окружающие леса. Охотники возвращались нагруженные добычей – шкурками птиц и зверей, растениями и редкими породами камней. После этого в течение нескольких дней все семейство обрабатывало свои новые трофеи. Так Ленди и его сыновья проводили время.

Гуго являлся одновременно поваром, камердинером, грумом, дворецким и рассыльным. Я уже говорил, что никакой другой прислуги, ни мужской, ни женской, в доме не держали – следовательно, Гуго выступал и в роли горничной. Однако его разнообразные обязанности были не так уж сложны, как может показаться. Полковник отличался скромностью в своих привычках. Он приобрел ее будучи солдатом и воспитал сыновей в том же духе. Ленди ел простую пищу, пил только воду и спал на походной кровати, покрытой лишь одеялом и шкурой бизона. Белье стирала прачка из Пойнт-Купе. Как видите, Гуго не так уж был загружен домашними делами.

Маленький француз ежедневно совершал путешествие в поселок – на базар и на почту, откуда часто приносил письма. На многих из них красовались большие печати и герб принца. Иногда пароход привозил бывшему полковнику посылки с научными книгами или с какими-то непонятными инструментами. Несмотря на все это, в жизни охотника-естествоиспытателя не было ничего таинственного. Ленди никто не считал скрытным или необщительным – он часто посещал деревню и любил поболтать со старыми трапперами и другими местными жителями. Крестьяне называли его за глаза старым полковником и относились к нему с почтением. Они только удивлялись вкусам натуралиста, которые казались им странными. Кроме того, их поражало, как это он ухитряется вести хозяйство без служанки. Но Ленди не интересовали их домыслы, он лишь посмеивался над любопытными, оставаясь все в тех же хороших отношениях со своими соседями.

По мере того как подрастали его мальчики, они тоже делались всеобщими любимцами. Они считались лучшими стрелками среди своих сверстников, могли соревноваться в верховой езде с любым, могли переплыть Миссисипи, умели управлять пирогой, бросать лассо и бить гарпуном крупную рыбу. Все это они выполняли совсем как взрослые. Это были настоящие маленькие мужчины. Простые крестьяне инстинктивно чувствовали над собой превосходство этих юношей, образованных и прошедших хорошую закалку; ребята, однако, не были заносчивыми и обходились со всеми очень приветливо. Все это вместе взятое заставляло окрестных жителей уважать сыновей старого полковника.

Соседи приходили к Ленди только по делу. У него вообще не бывало гостей за исключением кое-кого из давнишних знакомых по армии, которые жили в Новом Орлеане и примерно раз в год приезжали к нему потолковать о былых временах и попробовать его оленины. В таких случаях основной темой разговора был, конечно, великий Наполеон. Как и все старые солдаты Франции, Ленди боготворил императора, но был один член семьи Бонапарта, к которому натуралист питал еще большее чувство, перешедшее в искреннюю дружбу: то был Шарль Люсьен, принц Музиньянский.

Не все Бонапарты были плохи – некоторые члены этой замечательной фамилии доказали миру, что обладают благородством. Скромные изыскания принца Музиньянского в области естественной истории могут рассматриваться как своеобразные победы в царстве природы, и, хотя их затмили более блестящие, зато кровопролитные триумфальные подвиги императора Наполеона, труды принца все же дают ему больше прав на благодарность и уважение потомков. Он-то и был подлинным героем натуралиста Ленди.

Многие годы полковник вел тот образ жизни, который я обрисовал читателям. Но вот произошло событие, чуть не ставшее для него роковым. Еще во время кампании на Пиреней-

ском полуострове Ленди был ранен в ногу. Однажды после падения с лошади рана открылась и возникла необходимость ампутировать ногу. Жизнь Ленди была спасена, но он уже не мог больше наслаждаться охотой – ему оставались лишь более спокойные занятия натуралиста. Ленди ходил, прихрамывая, на своей деревянной ноге по дому и лугу, подрезал деревья, ухаживал за своими четвероногими любимцами, которых завел себе немало. Гуго все время следовал за ним, как тень. Мальчики же по-прежнему отправлялись на охоту и собирали образцы для коллекций. Все шло своим чередом.

Такова была их жизнь, когда я впервые познакомился с натуралистом Ленди, его слугой Гуго и тремя сыновьями – мальчиками-охотниками, героями нашей небольшой повести. Разрешите мне познакомить вас с ними поближе – я думаю, вы полюбите их всех троих и охотно побудете некоторое время в их обществе.

Глава III

Письмо принца

Прекрасное весеннее утро. Мы приближаемся к дому и входим на лужайку через боковую калитку. Нам не надо заходить в дом, так как там никого нет. Погода слишком хороша, чтобы сидеть в помещении, но все члены семьи неподалеку от дома: они разместились на лужайке и на веранде. Все заняты кто чем. Сам полковник кормит своих четвероногих подопечных. Гуго помогает ему – носит корзинку с пищей.

Полковника можно назвать интересным мужчиной. Его волосы и усы белы как лунь, бороды он не носит, лицо цвета красноватой бронзы гладко выбрито, выражение его доброе, но мужественное. Ленди очень похудел за последнее время из-за ампутации ноги. Одежда его проста: желтая нанковая куртка, полосатая хлопчатобумажная рубашка и широкие ярко-синие брюки. Широкополая панاما защищает глаза от солнца. Ворот рубашки расстегнут, так как день теплый. Гуго одет примерно так же, но материал его куртки и брюк грубее, а шляпа – из простых пальмовых листьев.

Посмотрим на Базиля, старшего сына полковника. Он прикрепляет ремешки к охотничьему седлу, лежащему на земле возле него. Базилю семнадцать лет. Это миловидный юноша, хотя его и нельзя назвать красивым. У него мужественное лицо, и вся его фигура выражает силу. Волосы у него прямые, черные как смоль. Он больше своих братьев похож на итальянца. Он поистине сын своего отца – настоящий корсиканец. Базиль – опытный охотник и любит это занятие превыше всего на свете. Он любит охоту ради охоты и наслаждается ее опасностями. Он уже вышел из того возраста, когда ловят птиц и стреляют белок, – его честолюбие может быть теперь удовлетворено только охотой на кугуара, медведя или бизона.

Как не похож на него Люсьен, второй сын! Люсьен – изящный белокурый юноша, он больше напоминает по облику свою мать, которая была блондинкой, как многие из ее народа – басков. Люсьен страстно любит книги и науку. И сейчас он сидит на веранде с книгой. Он изучает естественную историю, и его любимые науки – ботаника и геология, в которых он достиг больших успехов. Люсьен сопровождает Базиля во всех охотничьих экспедициях, но в разгар самой отчаянной погони может вдруг соскочить с лошади, если ему на глаза попадется редкое растение, цветок или необычный камень. Люсьен не очень разговорчив – не так, как большинство мальчиков его возраста, – но, обыкновенно молчаливый, он обладает редким здравым смыслом, и, если дает советы, то непременно дельные и принимаемые окружающими с уважением. Таково невольное воздействие интеллекта и образованности.

Следующий по возрасту и самый младший – Франсуа, умненький кудрявый мальчуган, безудержно веселый, всегда жизнерадостный, непостоянный в своих вкусах и привязанностях, многосторонний в своих талантах – короче говоря, больше француз, чем кто-либо из братьев. Франсуа – знаменитый ловец птиц. В настоящий момент он чинит свои сети, и его двуствольный дробовик, который он только что закончил чистить, лежит рядом. Франсуа – всеобщий любимец, он доставляет немало хлопот Гуго, над которым вечно подшучивает.

В то время как натуралист и его семья были заняты каждый своим делом, с низовьев реки послышался громкий гул. Он немного напоминал пушечную стрельбу, хотя звуки были мягче и глуше.

– Пароход! – воскликнул Франсуа, услышавший его первым.

– Да, – сказал Базиль. – Я думаю, что он идет из Нового Орлеана в Сент-Луис.

– Нет, – спокойно возразил Люсьен, поднимая голову от книги, – это судно из Огайо.

– Откуда ты знаешь, Люс? – спросил Франсуа.

– По свистку, конечно. Я узнал его. Это «Олений глаз» – почтовое судно, идущее в Цинциннати.

Вскоре над деревьями стало видно белое облако пара, а затем из-за излучины реки показалось большое судно, рассекающее коричневую воду. Через несколько минут пароход был уже против лужайки и действительно оказался, как и говорил Люсьен, почтовым пароходом «Олений глаз». Люсьен воспринял свой триумф с присущей ему скромностью.

Прошло всего несколько минут, и от Пойнт-Купе послышался громкий пронзительный свисток. Пароход причаливал.

– Гуго! – обратился к слуге полковник. – Может быть, что-нибудь есть для нас – пойдешь посмотреть.

Не мешкая, Гуго отправился выполнять поручение. Он был хороший ходок и вернулся быстро. В руках он держал письмо, внушительное по величине и виду.

– От принца Люсьена! – воскликнул Франсуа, который везде должен был быть первым. – Это от принца, папа, ведь это его печать!

– Успокойся, Франсуа, успокойся! – строго сказал отец, ковыляя к веранде, чтобы взять очки. Он распечатал конверт и прочел письмо. – Гуго! – сразу же закричал Ленди. – Слуга предстал перед своим хозяином, по-военному отдавая честь. – Тебе придется съездить в Сент-Луис.

– Слушаюсь, полковник.

– Ты отправишься с первым же пароходом.

– Слушаюсь, полковник.

– Ты должен добыть мне шкуру белого бизона.

– Это не составит труда, мсье.

– Боюсь, что это труднее, чем ты думаешь.

– За деньги, мсье?

– Да, даже за деньги, Гуго. Слушай: мне нужна шкура, не просто мех, а настоящая шкура – с головой, ногами, вся целиком, чтобы можно было сделать чучело.

– А-а, полковник! Это другое дело.

– Боюсь, что это будет очень нелегко... – задумчиво произнес Ленди. – Я сомневаюсь, удастся ли вообще ее достать. Но нет, мы должны это сделать во что бы то ни стало! Да, во что бы то ни стало!

– Сделаю все, что в моих силах.

– Заходи в каждый меховой магазин в Сент-Луисе, наведи справки среди охотников и трапперов – ты знаешь, где их найти. Если из этого ничего не получится, помести объявление в газетах на английском и французском языках. Сходи к коммерсанту Шото, куда угодно. Не считайся с расходами, но достань мне шкуру!

– Будьте спокойны, полковник, все будет исполнено.

– Тогда готовься в путь. Возможно, еще сегодня пойдет пароход... Тш-ш! Я слышу, он уже идет и, может быть, как раз в Сент-Луис.

Некоторое время все стояли, прислушиваясь. Ясно был слышен шум парохода, идущего вверх по реке.

– Он действительно идет в Сент-Луис, – сказал Люсьен. – Это «Красавица Запада».

Люсьен обладал способностью определять по свистку название почти каждого парохода, курсирующего по Миссисипи. Через полчаса показался пароход, и все увидели, что Люсьен опять прав: пароход шел в Сент-Луис и назывался «Красавица Запада».

Гуго не надо было долго собираться. Пароход не успел поравняться с домом, а маленький француз уже все приготовил, получил от своего хозяина еще несколько инструкций и кошелек с деньгами и отправился в Пойнт-Купе, чтобы встретить пароход у причала.

Глава IV

Сборы на большую охоту

Прошло дней двадцать, прежде чем Гуго вернулся. Для старого полковника, который волновался, что Гуго не удастся выполнить поручение, это были долгие недели. Ленди написал ответ принцу Бонапарту и обещал постараться добыть шкуру белого бизона, принц просил его в письме именно об этом. Полковник ни за что на свете не хотел нарушить свое обещание, и неудивительно, что, пока отсутствовал Гуго, Ленди все время испытывал беспокойство и нетерпение. Наконец поздно вечером Гуго появился. Полковник не мог дожидаться, когда тот войдет в дом, и встретил его в дверях со свечой в руке. Вопросы были излишни – ответы начертаны на лице Гуго. Сразу стало ясно, что он не достал шкуру. Вид у него был совершенно убитый, огромные усы его, казалось, поблекли и обвисли.

– Не достал? – спросил Ленди упавшим голосом.

– Нет, полковник, – пробормотал Гуго.

– Ты всюду пытался?

– Всюду.

– Ты давал объявления в газетах?

– Во всех газетах, мсье.

– И предлагал высокую цену?

– Да, но это ни к чему не привело. Я не достал бы шкуры белого бизона, даже если бы предложил в десять раз больше. Я не смог бы получить ее и за тысячу долларов.

– Я бы дал пять тысяч!

– Это бесполезно, мсье: ее нельзя достать в Сент-Луисе.

– А что говорит Шото?

– Что очень мало шансов найти то, что вам нужно. Он говорит, что можно проехать по всем прериям и так и не встретить белого бизона. Индейцы ценят белых бизонов выше всего, и, когда им попадается случайно белый бизон, они уж его не упустят. У одного торговца мехами я сыскал две-три шкуры, но это не то, что вы хотели, мсье: это только мех, но даже и за него просили порядочную сумму.

– Нет, это не годится. Шкура нужна для другой цели – для большого музея. Боюсь, что мне не раздобыть ее. Уж если нельзя достать в Сент-Луисе, тогда где же еще...

– Где еще, папа? – прервал Франсуа, который вместе с братьями стоял и слушал весь этот разговор. – Где же еще, как не в прериях?!

– В прериях... – машинально отозвался отец.

– Да, папа. Пошли Базиля, Люсьена и меня – мы найдем тебе белого бизона, я ручаюсь!

– Bravo, Франсуа! – воскликнул Базиль. – Ты прав, брат, я и сам хотел это предложить.

– Нет-нет, мальчики мои! Вы слышали, что говорит Шото? Нечего и думать об этом. Ее нельзя достать. А я-то написал принцу, я обещал ему!

Лицо и жесты старого полковника выражали разочарование и огорчение. Люсьен, с сочувствием заметивший это, сказал:

– Папа, Шото и вправду имеет большой опыт в торговле мехами, но он сам себе противоречит. – (Люсьен, как вы, наверное, заметили, был очень рассудителен.) – Гуго видел две-три шкуры в Сент-Луисе – кто-то должен же был найти животных, которым принадлежали эти шкуры?! К тому же Шото утверждает, что они высоко ценятся индейскими вождями, которые часто носят их в качестве одежды. Это доказывает, что белые бизоны в прериях есть. Почему же мы не можем напасть на них, как другие? Франсуа и Базиль, поедem искать их!

– Погодите, дети, – сказал отец, явно обрадованный и до некоторой степени утешенный предложением сыновей. – Войдем в дом... Мы обсудим это после ужина.

С этими словами старый полковник, ковыляя, вошел в дом. За ним шли трое его мальчиков, а Гуго, измученный и голодный, замыкал шествие. За ужином и после него вопрос обсудили со всех сторон. Отец с самого начала был склонен дать согласие на предложение сыновей, а они, особенно Базиль и Франсуа, горячо доказывали ему осуществимость своего замысла. Едва ли надо говорить вам, чем все это завершилось. В конце концов полковник согласился: было решено, что мальчики немедленно отправятся в экспедицию на поиски белого бизона.

Натуралист принял предложение по двум причинам: он жаждал доставить удовольствие своему другу-принцу и был втайне доволен, что сыновья проявили такую храбрость и решительность. Не в его характере было препятствовать их замыслам и охлаждать их пыл. Недаром он часто хвастал перед соседями и друзьями, как он воспитал и закалил детей, и называл их своими маленькими мужчинами. Насколько это было в его силах, полковник действительно растил их так, что они были подготовлены к самостоятельной жизни. Он научил их ездить верхом, плавать, нырять, бросать лассо, лазить на высокие деревья, взбираться на отвесные утесы и метким выстрелом из лука или ружья сбивать птицу на лету, а зверя – на бегу. Он приучил их спать на открытом воздухе, в дремучих лесах, в голой прерии, в непогоду, прямо на земле – где угодно, пользуясь вместо постели лишь одеялом и шкурой бизона. Приучил питаться самой простой пищей и дал знания в области практической ботаники, к которой привил им большую любовь, особенно Люсьену. Это давало им возможность в случае необходимости использовать в пищу растения и деревья, корни и фрукты – короче говоря, находить средства к существованию там, где несведущий человек умер бы с голоду. Мальчики знали, как добыть огонь даже без помощи кремня, огнива или пороха. Они умели определять направление без компаса – по скалам, деревьям, солнцу и звездам. Кроме того, они были обучены в пределах знаний того времени географии той необъятной пустыни, которая простиралась от их дома до далеких берегов Тихого океана.

Полковник знал, что может спокойно отпустить сыновей в прерию. И правда, он согласился на эту экспедицию, испытывая при этом скорее гордость, чем беспокойство. Но, пожалуй, больше всего им руководило другое чувство. Его вдохновляло честолюбие естествоиспытателя, он думал о том, какой будет триумф – послать в большой европейский музей такой редкий экспонат, белого бизона! Если кто-то из читателей когда-нибудь станет натуралистом, то обязательно поймет азарт нашего ученого охотника.

Сначала Ленди предложил, чтобы мальчиков сопровождал Гуго, но они не желали и слышать об этом и все трое активно воспротивились: зачем им брать с собой Гуго? Преданный Гуго нужен отцу дома, а им без него будет даже лучше, – заявили братья. Они свободно обойдутся без посторонней помощи. На самом же деле молодые честолюбивые охотники не желали делить свою славу ни с кем, хотя Гуго вряд ли оказался бы их соперником на охоте – он не был ни охотником, ни даже воином, несмотря на то, что служил в свое время конным стрелком и носил такие воинственные усы. Старый полковник хорошо знал все это и не очень настаивал на том, чтобы Гуго ехал вместе с ребятами. Гуго блистал талантами в другой сфере – на кухне. Тут он был как у себя дома. Он умел приготовить омлет, фрикасе из цыпленка или утку с оливками не хуже самого лучшего повара, но не чувствовал ни малейшей склонности к охоте, хотя в течение многих лет сопровождал своего хозяина и его сыновей в их охотничьих странствиях. Гуго ужасно боялся медведей и кугуаров, не говоря уже об индейцах.

О индейцы! Читатели поразятся, если я скажу, что в прериях живут и бродят около пятидесяти воинственных племен. Многие из них – заклятые враги белых. Они убивают белых везде, где бы ни встретили, так, как мы убили бы разве что бешеную собаку или ядовитого паука. Как же отец согласился отпустить сыновей в такую опасную экспедицию? Невероятно, не правда ли? В это даже трудно поверить, ведь полковник горячо любил своих

детей – он дорожил ими больше, чем собственной жизнью, а посылать их одних в прерии почти наверняка означало лишиться их навсегда. На что он рассчитывал? На их юный возраст? Вряд ли. Он слишком хорошо знал индейцев, знал, что возраст не будет принят во внимание, если мальчики повстречаются с каким-нибудь племенем, враждующим с белыми. Правда, индейцы скорее всего не оскальпировали бы их, учитывая, что это все же почти дети, но наверняка взяли бы в плен, из которого те никогда не вернулись бы. А может, отец предполагал, что сыновья не продвинутся дальше той территории, на которой живут дружественные индейские племена? Нет, сомнительно, ведь тогда братья заведомо не выполнили бы свою задачу. В такой местности очень мало бизонов, распространенное место обитания большинства этих животных – *военная тропа*, те участки прерий, где охотятся несколько враждующих между собой племен. Почему бизонов там больше, чем где бы то ни было? Потому что охотников на этих военных тропах меньше – они боятся столкновений с чужими племенами. На той территории, которая целиком находится во владении одного какого-нибудь племени, бизонов очень скоро убивают или они сами покидают ее из-за непрерывной охоты на них. В прериях всем охотникам хорошо известно, что там, где много бизонов, много и опасностей, тогда как обратное бывает редко. На нейтральных или военных тропах индейцев вы можете встретить дружественное племя, а на следующий день попасть в руки к врагам, которые снимут с вас скальп в мгновение ока. Отец троих мальчиков-охотников знал все это не хуже меня. Как же понять его явно неразумный поступок, почему он разрешил им рисковать своей жизнью? Это действительно было бы совсем странно, если бы не тайна, о которой речь еще впереди. Пока же могу сообщить только, что, когда мальчики уже сели на коней и готовы были отправиться, отец подошел к ним и, вынув из кармана маленький кожаный мешочек, отделанный крашеными иглами дикобраза, подал его Базилю со словами:

– Никогда не расставайся с этой вещью. Ваша жизнь может зависеть от нее... С Богом, мои храбрые мальчики! До свиданья!

Базиль перекинул на шею ремешок и, привязав к нему мешочек, спрятал его на груди под рубашкой. Пожав руку отцу и прищиприв коня, он быстро ускакал. Люсьен поцеловал отца, грациозно помахал рукой Гуго и последовал за Базилем. Франсуа немного задержался; подъехав к Гуго, он потянул его за длинный ус, что заставило бывшего солдата усмехнуться. Звонко расхохотавшись, Франсуа повернул свою лошадку и поскакал вслед за братьями. Полковник и Гуго некоторое время стояли и смотрели им вслед. Когда мальчики-охотники достигли опушки леса, все трое остановились, повернулись в седлах и, сняв шляпы, прокричали прощальное приветствие. Полковник и Гуго крикнули им в ответ. Когда снова все утихло, донесся голос Франсуа:

– Не беспокойся, папа, мы привезем тебе белого бизона!

Глава V

Лагерь мальчиков-охотников

Наши юные искатели приключений повернули на запад и скоро ехали уже под сенью величественного леса. В те времена на запад от Миссисипи было очень мало поселений белых. Единственными признаками цивилизации являлись разбросанные по берегам реки маленькие города, расчищенные для обработки участки земли и хижины скваттеров². После одного дня пути на запад все это оставалось позади, и путешественник попадал в лабиринт болот и лесов, которые простирались перед ним на сотни миль. Правда, еще дальше на запад, по притокам Миссисипи, иногда встречались селения, но большая часть ландшафта представляла собой дикую местность. Примерно через час путешественники были уже далеко от селений, окружавших Пойнт-Купе, и продвигались по лесным тропинкам, по которым редко проходил кто-нибудь, кроме индейцев или местных охотников. Эти тропинки мальчики знали хорошо – они часто бывали здесь и прежде во время охоты.

Не буду подробно описывать все события, происшедшие в пути. Это займет слишком много времени и утомит читателей. Давайте подойдем прямо к тому месту, где мальчики впервые остановились, чтобы расположиться лагерем на ночь. Это была одна из тех небольших лужаек, которые часто встречаются в лесах к западу от Миссисипи. Она представляла собой около акра земли, поросшей травой и цветами, среди которых можно было заметить подсолнечник и синий лупинус. Лужайку окружали высокие деревья, и, судя по их листве, здесь росли многие породы. Это легко было определить по их стволам, так как все они отличались друг от друга. У одних деревьев стволы были гладкие, а у других растрескавшаяся кора свисала завитками в фут длиной. Красивые тюльпановые деревья выделялись своими прямыми, как колонны, стволами, которые распиливают, как вы, наверное, видели, на длинные доски для обшивки. Плотники и строители называют это дерево белым тополем. Тюльпановым дерево называют из-за его цветов, формой и размером очень напоминающих тюльпаны, цветы эти – зеленовато-желтого цвета с оранжевым отливом. Больше всего на этой поляне было именно таких деревьев. Кроме того сразу бросались в глаза магнолии с большими, словно восковыми листьями и цветами. Тут можно было увидеть и высокий сахарный клен, а пониже – раскидистый конский каштан с красивыми оранжевыми цветами и заросли орешника гикори. Огромные ползучие растения обвивали стволы и тянулись от дерева к дереву. На одной стороне лужайки виднелись толстые стебли тростника, похожего на высокую траву. Лес на другой стороне был намного реже – очевидно, в свое время пожар уничтожил весь подлесок в этом направлении. Веерообразные листья карликовых пальм и листья юкки придавали всей местности южный тропический характер.

Юные охотники сделали привал часа за два до захода солнца, чтобы заблаговременно разбить лагерь. Примерно через полчаса лужайка представляла собой следующую картину. Около опушки стояла маленькая брезентовая палатка в виде белого конуса, или пирамиды. Полог палатки был откинут, так как вечер был теплый. В палатке никого не было. Немного в стороне лежали на траве три седла. Это были мексиканские седла с высокой лукой, стремени были стальные – не грубые деревянные, которые обычно так уродуют мексиканские седла. Рядом с седлами находился какой-то странный предмет: он напоминал гигантскую книгу, слегка приоткрытую и поставленную корешком вверх. Это было седло для вьючных животных, тоже мексиканское, *альпареха* – так его называют в этой местности. На седле

² Скваттер – человек, поселившийся на государственной земле с целью ее приобретения.

имелась крепкая кожаная подпруга с ремнем, который не позволял ему съезжать на шею животного.

Недалеко от седел на траве лежало несколько красных и зеленых одеял и шкуры медведя и бизона. На ветке висели кнуты, уздечки, бутылки из тыквы и шпоры. К стволу тюльпанового дерева, возвышавшегося рядом с палаткой, были прислонены три ружья. Два из них – карабины, один намного длиннее другого, третье – двуствольный дробовик. Патронташи и рога с порохом свисали с ружей на ремнях, перекинутых через шомпола.

С другой, подветренной стороны палатки горел костер. Его зажгли недавно, и он разгорался, потрескивая. По сильному красному пламени видно было, что это горит гикори – дерево, лучше всех других пригодное для костров, хотя для того, чтобы разжечь костер, мальчики воспользовались сухими ветками более легко воспламеняющихся деревьев.

По обеим сторонам костра в землю были воткнуты развилками вверх две палки, между которыми была перекинута еще одна свежесрезанная палка. На ней висел над огнем железный походный котелок, в котором уже начинала закипать вода. Вокруг валялись сковородки, жестяные миски, пакеты с мукой, вяленым мясом и кофе, кофейник из прочного олова, небольшая лопата и легкий топорик с изогнутым топорщиком из орехового дерева.

Это неодушевленные детали картины. Теперь перейдем к одушевленным. Прежде всего – наши герои, три мальчика-охотника: Базиль, Люсьен и Франсуа. Базиль занимался палаткой, вбивал в землю колышки. Люсьен следил за костром, который он только что развел. Франсуа ощипывал диких голубей, подстреленных им по дороге. Все трое были одеты по-разному. Одежда Базиля вся состояла из оленьей кожи за исключением шапки, сшитой из шкуры енота. Шапку украшал полосатый хвост енота, свисавший до плеча, словно страусиное перо. Капюшон охотничьей куртки по краям был отделан бисером, куртка в талии перехвачена ремнем, с которого свешивались охотничий нож в ножнах и маленькая кобура с поблескивающей из нее рукояткой пистолета. На ногах у Базиля были искусно расшитые вдоль швов гамашы из оленьей кожи и мокасины. Он был одет, как заправский лесной охотник, только белье его было тоньше и чище, а вышивка на куртке сделана с большим вкусом, чем у профессионального охотника.

Одежда Люсьена была небесно-голубого цвета: не то блуза, не то охотничья куртка и брюки из плотной хлопчатобумажной материи. На ногах у него были сандалии со шнурками, а на голове – широкополая панاما. В общем, наряд его не выглядел так воинственно, как у старшего брата, но и у него на ремне тоже висел с одной стороны нож, а с другой – вместо пистолета – маленький томагавк. Люсьен носил томагавк не для того, чтобы убивать им кого-нибудь, – нет, он носил этот топорик, чтобы раскалывать не черепа, а скалы. Это был томагавк геолога.

Франсуа ходил еще в школьной курточке и брюках. Брюки были заправлены в краги, на ногах надеты мокасины, из-под суконной шапочки выбивались пышные кудри. На поясе у него тоже висел охотничий нож, а на левом бедре – маленький пистолет.

Ближе к середине поляны паслись три лошади, привязанные лассо к колышкам так, чтобы они не мешали друг другу. Все три лошади были разные. Одна – большая караковая, с примесью арабской крови, очень сильная и норовистая. Это был конь Базиля, заслуженно пользовавшийся большой любовью мальчика. Звали его Черный Ястреб – в честь знаменитого вождя племени лисиц, друга старого полковника, с которым тот познакомился, когда посещал это племя индейцев. Вторая лошадь была самая обыкновенная, гнедая, из породы коб³. Это было тихое спокойное животное, во внешности ее не замечалось ничего охотничьего или воинственного. Лошадь была упитанная и лоснилась, как породный горожанин, поэтому ее звали Буржуа. Она, конечно, принадлежала спокойному Люсьену. Третью лошадь

³ Коб – невысокая коренастая лошадь.

можно было бы назвать пони, если принять во внимание ее рост, – она выглядела намного меньше других. Однако это была настоящая лошадь и по сложению, и по нраву, одна из представительниц той породы низкорослых, но горячих лошадок, которых привезли в Новый Свет испанские завоеватели. Эти лошади известны теперь по всей западной части страны под названием мустангов. Так как я буду еще говорить об этих красивых существах, то сейчас отмечу только, что этот маленький мустанг был пятнистый, как леопард, и отзывался на кличку Кошка, особенно когда его звал Франсуа, ибо это была его лошадь.

Немного поодаль от лошадей стояло другое животное грязно-серого цвета с белыми подпалинами на спине и на боках – настоящий мексиканский мул, упрямый и злой, как всякий представитель данной породы. Звали мула Жаннет – это была самка. Жаннет привязали на некотором расстоянии от лошадей, чтобы они не могли лягнуть друг друга, потому что мул и мустанг находились не в особенно дружеских отношениях. Жаннет и являлась обладательницей странного вьючного седла. Ее обязанностью было возить палатку, провизию, снаряжение и утварь.

На лужайке можно было заметить еще одно живое существо – собаку Маренго. По росту и коричневато-рыжему цвету она походила на кугуара, однако длинная темная морда и широкие висячие уши указывали на то, что это сильное животное – охотничья собака, помесь ищейки с догом. Собака примостилась около Франсуа в ожидании потрохов птиц, которых он сейчас ощипывал. Ну вот, читатели, теперь перед вами полная картина ночного лагеря мальчиков-охотников.

Глава VI

Рыжая белка в западне

Франсуа вскоре закончил ошипывать голубей и погрузил их в кипящую воду. Он добавил туда кусок вяленого мяса, соли и перца, которые достал из мешка с запасами, так как хотел приготовить из голубей суп. Затем он смешал с водой немного муки, чтобы приправить его.

– Как жаль, – сказал он, – что у нас нет овощей!

– Подожди! – воскликнул Люсьен. – По-моему, в этой местности много всякой зелени. Дай-ка я посмотрю – может, найду что-нибудь.

С этими словами Люсьен пошел по лужайке, внимательно глядя себе под ноги. Не найдя ничего подходящего среди травы, он направился к берегу маленького ручья, протекавшего поблизости. Через несколько минут Люсьен уже возвращался, неся целую охапку овощей. Он молча бросил их перед Франсуа. Овощи были двух видов: одни напоминали мелкую репу и действительно являлись индейским турнепсом, а другие – дикий лук, который часто встречается в Америке.

– Ого! – удивился Франсуа, сразу узнав их. – Какая удача! Честное слово, это репа и дикий лук. Теперь я сварю такой вкусный суп! – И он весело принялся резать овощи и кидать их в дымящийся котелок.

Скоро мясо и голуби сварились, суп был готов. Котелок сняли с огня, и три брата, усевшись на траве, наполнили жестяные миски и приступили к еде. У них был запас серого хлеба на несколько дней. Когда хлеб кончится, они должны будут сами печь его из муки, которую взяли с собой в мешке, а когда и мешок истощится, они намеревались обходиться совсем без хлеба, как им частенько приходилось делать и раньше во время подобных экспедиций.

Пока мальчики наслаждались мясным супом и обглаживали косточки жирных птиц, внимание всех троих внезапно привлекло какое-то движение на одной стороне поляны. Они заметили, как что-то, точно вспышка желтого света, мелькнуло вверх от земли. Все трое догадались, что это молниеносный прыжок белки по стволу дерева. А вот и сам зверек. Он вплотную прижался к стволу, замерев на мгновение, как обычно делают белки перед следующим прыжком.

– Смотрите-ка, – негромко произнес Люсьен, – это рыжая белка, и какая красавица! Видите: она вся в отметинах, как пятнистая кошка. Папа дал бы двадцать долларов за такую шкурку!

– Она обойдется ему гораздо дешевле, – отозвался Франсуа, подкрадываясь к своему ружью.

– Стой, Франсуа, – сказал Люсьен. – Пусть Базиль попробует выстрелить – он стреляет лучше тебя.

– Ладно, – ответил Франсуа. – Но если он промахнется, не мешает быть наготове.

Базиль уже поднялся и молча стал пробираться к ружьям. Подойдя к ним, он взял самое длинное и повернулся к белке. В это же время Франсуа вооружился своей двустволкой.

Дерево, по которому побежала белка, было мертвым – гнилое тюльпановое дерево, поврежденное молнией или бурей. Оно стояло немного поодаль от других, на открытом месте. Кругом почти ничего не росло. Голый ствол, как колонна, возвышался на шестьдесят футов. Все сучья были сломаны ветром за исключением одного, который, точно длинная рука, тянулся вверх по диагонали. Этот сук, изогнутый и расщепленный в нескольких местах, был не очень толстый, на нем не имелось ни веток, ни листьев – он был сухой, как и все дерево.

Пока Базиль и Франсуа готовились к выстрелу, белка сделала еще прыжок и оказалась на конце сука, где и уселась в развилке, как бы любуясь закатом солнца. Лучшей мишени нельзя было и желать, тем более что мальчики могли подойти достаточно близко: зверек, казалось, не обращал внимания ни на них, ни на лошадей. Очевидно, на него никогда не охотились. Белка сидела на задних лапках, подняв вверх и распустив, словно веер, пушистый хвост. Создавалось впечатление, что она наслаждается теплыми закатными лучами.

Мальчики осторожно продвигались по краю поляны. Базиль шел впереди. Когда он был уже на расстоянии выстрела, прицелился и хотел спустить курок, белка, которая до сих пор не замечала охотника, вдруг вздрогнула, будто испугавшись, опустила хвост и побежала по суку. Футах в двух от верхушки дерева она остановилась и распласталась на стволе. Что могло испугать ее? Не мальчики, потому что она до этого не обращала на них внимания. К тому же белка все еще находилась на виду, по-прежнему представляя собой хорошую мишень. Если бы она испугалась охотников, она бы, как все белки, спряталась за стволом, — но нет, она не боялась их, так как лежала, прижавшись к стволу и подняв голову; по ее движениям было видно, что она опасается какого-то врага сверху. Так это в действительности и оказалось, потому что в воздухе прямо над деревом кружила большая хищная птица.

— Стой! — прошептал Люсьен, кладя руку на плечо Базиля. — Стой, брат! Это краснохвостый ястреб. Смотри, он хочет снизиться. Понаблюдаем за ним.

Базиль опустил ружье, и все трое замерли в ожидании. Над головами мальчиков висела раскидистая ветка, и птица не видела их или, может быть, поглощенная тем, чтобы заполнить свою добычу, не обращала на них в этот момент никакого внимания.

Едва Люсьен закончил говорить, как ястреб, который до этого парил, широко раскинув крылья, вдруг сложил их и с громким *уии-и* устремился вниз. Ястреб спикировал почти перпендикулярно, чуть не коснувшись белки, и все трое братьев, когда он снова взлетел, посмотрели, не держит ли он ее в когтях. Однако он промахнулся. Белка была настороже и, когда ястреб бросился вниз, с быстротой молнии обогнула ствол.

Управляя хвостом, как рулем, ястреб вскоре повернул и подлетел к другой стороне дерева, где теперь находилась белка. Несколько взмахов сильных крыльев быстро помогли ему набрать прежнюю высоту, и он снова ринулся вниз на намеченную жертву. Белка увернулась и перебежала на противоположную сторону ствола. Ястреб еще раз повернул, поднялся, кинулся вниз на добычу, промахнулся и взмыл кверху. Четвертая попытка оказалась столь же безуспешной, и птица опять взлетела в небо, продолжая кружить над деревом.

— Странно, что рыжая плутовка не перескакивает на другое дерево, — пробормотал Франсуа. — На дерево с густой листвой, которая закрыла бы ее, или на то дерево, где у нее гнездо, — там она была бы в безопасности.

— Она как раз это и хочет сделать, — ответил Люсьен. — Но смотри, враг прямо над ней. Вблизи нет ни одного дерева, и, если она попытается бежать по открытому месту, ястреб сейчас же схватит ее. Ты видел, как он стремительно падал?

В самом деле белка поглядывала на соседние деревья с большим беспокойством. Хотя ей до сих пор и удавалось ускользать от врага, она была очень напугана. Как только ястреб снова поднялся над деревом на несколько ярдов, он опять начал кружить, издавая странный крик, но не пронзительный, который часто можно услышать у этих птиц, а другого рода — будто он звал сородича. Так и оказалось. Через несколько минут из глубины леса послышался ответ, и в следующее мгновение другой ястреб, такой же краснохвостый, но намного крупнее, уже парил в вышине. Это явно была его подруга, поскольку самки этих птиц всегда гораздо крупнее самцов.

Теперь птицы вдвоем стали кружить над деревом, пересекая орбиты полета друг друга и глядя вниз. Белка, казалось, перепугалась еще больше — она хорошо понимала их намерения. Она начала бегать вокруг ствола, время от времени озираясь по сторонам, как будто

хотела спрыгнуть с дерева и кинуться в густой лес. Ястребы не дали белке долго раздумывать. Тот, который был поменьше, снизился первым, но промахнулся, как и раньше, и лишь загнал ее за ствол. Испуганный зверек едва успел скрыться там, как большой ястреб, самка, со свистом налетел на него и заставил перебежать на другую сторону. Самец к этому времени повернул и кинулся вниз так неожиданно и с таким точным расчетом, что белка, будучи не в состоянии снова спрятаться за деревом, прыгнула в воздух. Ястреб последовал за ней и, прежде чем белка успела достичь земли, ринулся на нее. Затем с громким криком ястреб поднялся в воздух – в его когтях билась белка.

Однако триумф хищника продолжался недолго. Раздался треск дробовика, и оба – ястреб и белка – тяжело упали на землю. Почти одновременно прозвучал другой выстрел, и самка ястреба с перебитым крылом полетела, кувыркаясь, вниз и, упав, затрепетала на траве, визжа, точно кошка. Франсуа ударом приклада добил ее. Оба ствола его ружья были пустыми, так как это он застрелил обоих краснохвостых ястребов.

Самое удивительное то, что белка не была убита ни выстрелом, ни падением. Наоборот, когда Люсьен наклонился, чтобы поднять ее, радуясь такой удаче, белка вдруг прыгнула, высвободилась из когтей мертвого ястреба и, кинувшись в лес, взобралась на высокое дерево. Все трое что было сил побежали за ней, но когда они достигли дерева (это был дуб пяти футов в обхвате), то увидели, к своему разочарованию, футах в пятидесяти от земли дупло, что и привело охоту за белкой к концу.

Глава VII

Франсуа в опасности

Следующий привал наших охотников был у Реки Крокодилов. Этот заболоченный рукав Миссисипи, как и все реки Луизианы, представляет собой медленно текущий поток, который время от времени образует широкие пруды или озера. Он называется Рекой Крокодилов, потому что в нем водится много аллигаторов, хотя в этом отношении он не так уж отличается от других рек Луизианы.

Мальчики выбрали место для лагеря на открытом участке берега, там, где рукав разливается в маленькое озеро. Оттуда открывался вид на все озеро, и вид этот был замечательный. По берегам озера возвышались огромные деревья – дубы и кипарисы, с их ветвей ниспадал, подобно серебряным нитям, испанский мох. Это придавало верхней части леса довольно угрюмый вид, и вся местность казалась бы мрачной, если бы не блестящая листва. То тут, то там сверкала на солнце большими белыми цветами величиной с тарелку зеленая магнолия. Внизу рос густой тростник. Его высокие, похожие на пики бледно-зеленые стебли напоминали гигантскую пшеницу, когда она еще не выбросила колосья. Над тростником простирали свои серые ветви со светлой негустой листвой камедные деревья. Изящные пальмы поднимали вверх веера листьев, будто хотели защитить землю от палящих лучей солнца. Кое-где вода отражала причудливые очертания этих пальм.

Точно толстые канаты, с дерева на дерево протягивались дикий виноград, лианы и другие виды ползучих растений. Некоторые из них были покрыты густой листвой, другие пестрели замечательными цветами. Красные колокольчики бигнии, белые, точно звездочки, цветы вьюнков и алые лепестки болотной мальвы – смешение всех этих красок привлекало больших пестрых бабочек и красногрудых колибри, которые порхали среди нежных венчиков. Контраст с этими яркими пятнами составляли темные и мрачные места ландшафта. Деревья стояли тут прямо в зеленой тинистой воде. Прогалины леса позволяли видеть далеко вглубь. Здесь не было подлеска ни из тростника, ни из карликовых пальм. Черные голые стволы кипарисов поднимались на сотню футов, с их сучьев свешивался седой плакучий мох. Можно было различить большие коряги, похожие на конусы или на деревья, стволы которых, сломавшись, воткнулись в землю. Иногда через эти мрачные прогалины протягивались огромные лианы больше фута в диаметре, напоминая чудовищную змею, переползающую с дерева на дерево.

Озеро кишело аллигаторами. Видно было, как они отдыхали на низких берегах или уползали в темное зловещее болото. Некоторые тихо плыли по поверхности, и из воды высывались только их длинные гребни и точно зазубренные спины. В неподвижном состоянии эти уродливые существа напоминали засохшие деревья. Большинство из них лежали неподвижно, отчасти из-за природной склонности к такому состоянию, отчасти потому, что подкарауливали добычу. Находившиеся на берегу держали пасти открытыми, время от времени закрывая их с громким лязганьем. Аллигаторы развлекались ловлей мух, которые, привлеченные запахом мускуса, летали вокруг ужасных челюстей и садились на липкие языки. Некоторые пресмыкающиеся ловили рыбу. Удары их хвостов по воде были слышны более чем на полмили. В лесной тишине раздавалось что-то похожее на кваканье жабы, но только очень громкое и страшное, как мычание быка, – эти звуки издавали аллигаторы. Это было ужасающее зрелище, но наши охотники привыкли к таким картинам и не испытывали страха.

Вокруг озера обитали и другие живые существа, гораздо более привлекательные. Вдали выстроились в ряд, как солдаты в строю, фламинго, и их алое оперение сверкало на солнце. Недалеко от них находилась стая бело-черных журавлей, каждый высотой с взрос-

лого человека; время от времени они громко трубно кричали. Замечены были и большая белая цапля с белоснежным опереньем и оранжевым клювом, и изящная луизианская цапля, и стайки светло-серых журавлей, которые казались на расстоянии стадом почти белых овец. Меланхолично стояли пеликаны. На шее у них виднелся толстый зоб, а клюв был похож на косу. Рядом располагались белые и красные ибисы и пурпурные водяные курочки. Розовые колпики ходили по отмелям и ловили крабов и раков своими причудливыми клювами, а в ветвях деревьев сидела черная анхинга, жадно вытягивая над водой длинную змееподобную шею. В воздухе лениво кружила стая хищных сарычей, и два рыболова летали над озером, то и дело кидаясь вниз на добычу. Вот что видели вокруг своего лагеря мальчики-охотники, и такую картину часто приходится наблюдать среди пустынных болот Луизианы.

Мальчики установили палатку на высоком берегу, где было посуше, да и место открытое – там росло лишь несколько карликовых пальм. Животных привязали поблизости. Ужинали олениной. Бьющий без промаха Базиль подстрелил самку оленя как раз перед тем, как они сделали привал. Базиль показал себя опытным мясником: он быстро освежевал оленя и вырезал лучшие куски на ужин и завтрак. Задние ноги оленя мальчики повесили на дерево, чтобы взять мясо с собой, так как завтрашняя охота могла оказаться уже не столь успешной. Все же осталось еще достаточно мяса для Маренго, и голодное животное с радостью набросилось на еду. Собака знала, что во время подобных экспедиций ее хозяевам не всегда попадают жирные олени, а если такое и случается, то это еще не значит, что ей дадут много мяса.

Было довольно рано – часа два до захода солнца, когда охотники закончили ужинать, или, вернее, обедать, потому что они ничего не ели с утра за исключением нескольких кусочков, проглоченных всухомятку во время полуденного привала. Базиль занялся починкой упряжи мула, которая испортилась в дороге, а Люсьен вынул записную книжку и карандаш и, усевшись на шкуру бизона, начал записывать впечатления дня. Франсуа, которому нечего было делать, решил побродить по берегу реки и пострелять фламинго, если посчастливится подойти к ним поближе. Он знал, что это будет нелегко, но решил рискнуть и, сказав братьям о своем намерении, вскинул ружье на плечо и ушел.

Вскоре Франсуа скрылся из виду, войдя в густой прибрежный лес, через который пролежала узкая тропинка, протоптанная оленями и другими дикими животными. Он шел по тропинке, прячась за деревьями, чтобы фламинго, находившиеся в ста ярдах ниже по течению, не могли заметить его. Не прошло и пяти минут со времени ухода брата, как вдруг Базиль и Люсьен услышали выстрел и тут же – второй. Они знали, что это стреляет Франсуа, но в кого? Он бы никак еще не успел подойти к фламинго! К тому же эти птицы были видны из лагеря. Все фламинго, напуганные выстрелами, взлетели на верхушки деревьев. Нет, Франсуа выстрелил не в них. Тогда в кого же? Этот вопрос с беспокойством задавали друг другу Базиль и Люсьен. Может, Франсуа наткнулся на оленя или на стаю индеек?

Братья терялись в догадках, когда внезапно из леса раздался страшный крик Франсуа. Базиль и Люсьен схватили ружья и побежали на поиски, но, прежде чем они успели достичь леса, на тропинке между деревьями показался сам Франсуа. Он мчался во весь дух. На пути перед ним лежал какой-то предмет, похожий на сухое дерево, но это не могло быть дерево, потому что оно двигалось. Сомнений не оставалось – аллигатор! Он был огромный, футов двадцать в длину, и лежал прямо поперек дороги.

Базиль и Люсьен увидели аллигатора сразу, как только достигли опушки. Они заметили также, что не он был причиной бегства Франсуа, поскольку мальчик мчался прямо на аллигатора. Все мысли Франсуа были поглощены чем-то, что находилось позади, и он совсем не видел аллигатора, хотя братья кричали, чтобы предупредить его. Но Франсуа все бежал и бежал и, споткнувшись о тело отвратительного пресмыкающегося, упал лицом вниз

и выронил ружье. Однако он не ушибся и, вскочив на ноги, продолжал удирать. Выскочив из кустов, Франсуа крикнул, задыхаясь:

– Медведь! Медведь!

Базиль и Люсьен вскинули ружья и посмотрели вдоль тропинки. Действительно там был медведь, и он быстро приближался. Это в него стрелял Франсуа. Пустяковая рана только раздражила медведя, и, видя такого слабого врага, как Франсуа, он погнался за мальчиком.

Сначала юные охотники думали спастись бегством, но медведь был слишком близко и мог напасть на любого из них, прежде чем они добежали бы до лошадей и отвязали их. Поэтому братья решили остаться на месте. Базиль, который уже участвовал в медвежьей охоте, не очень боялся этой встречи. Он и Люсьен держали ружья наготове, чтобы устроить мишке теплый прием. Медведь неуклюже подвигался вперед, пока не достиг места, где лежал аллигатор. Пресмыкающееся повернулось вдоль тропинки и стояло теперь на своих коротких ногах, раздуваясь, как кузнечный мех. Медведь, занятый погоней за Франсуа, ничего не видел, пока не наткнулся прямо на аллигатора и тогда, издав громкое рычание, отпрыгнул в сторону. Это дало аллигатору ту возможность, которой он дожидался, и через мгновение его мощный хвост ударил медведя с такой силой, что было слышно, как затрещали мишкины ребра. Медведь, который в другое время не тронул бы аллигатора, так разъярился от этого незаслуженного оскорбления, что повернулся и, ринувшись на нового врага, крепко обхватил его поперек туловища. Они катались по земле: один – рыча и храпя, другой – мыча, точно бык.

Неизвестно, как долго продолжалась бы эта борьба, кто оказался бы победителем, если бы медведь с аллигатором были предоставлены самим себе, но Базиль и Люсьен почти одновременно выстрелили в медведя и ранили его. Это заставило его ослабить хватку, и он, казалось, уже был не прочь удрать, но аллигатор схватил его лапу своими сильными челюстями и крепко держал, в то же время стараясь подтащить к воде. Медведь явно понял намерение врага и издавал громкие жалобные вопли, визжа, как боров под ножом мясника. Но ничто не помогло: безжалостный противник добрался до берега, волоча медведя за собой, и втащил его в воду. Погрузившись, они оба исчезли из виду, и, хотя мальчики продолжали наблюдать еще около часа, ни зверь, ни пресмыкающееся не показались снова на поверхности. Медведь, без сомнения, сразу захлебнулся, а аллигатор, задушив его, спрятал труп в ил, чтобы сожрать, когда проголодается.

Глава VIII

Об аллигаторах

Охотники вернулись к палатке под впечатлением сцены, свидетелями которой только что стали. Они легли на траву и начали разговаривать. Предметом их беседы были медведи и аллигаторы, однако больше всего они говорили об аллигаторах и их своеобразных повадках. Братья слышали много необычных историй об этих животных, даже маленький Франсуа, а Базиль, давно уже охотившийся на болотах и реках, знал нрав аллигаторов не понаслышке, а на собственном опыте. Но Базиль не отличался наблюдательностью натуралиста и замечал только те особенности животных, с которыми сталкивался на практике, то есть во время охоты. Иное дело – Люсьен, который очень тщательно следил за повадками аллигаторов и, кроме того, изучал их по книгам. Поэтому Люсьен отлично владел естественноточными знаниями об аллигаторах и по просьбе братьев согласился поделиться с ними этими знаниями в часы, оставшиеся до сна.

– Аллигатор, – начал он, – принадлежит к отряду крокодилов, состоящему всего из одного семейства, которое так и называется «крокодилы» и разделяется на четыре группы видов.

– Сколько же всего видов? – спросил Базиль.

– Натуралистам известно немного больше двадцати видов. Крокодилы делятся на собственно крокодилов, гавиалов, аллигаторов и кайманов. Эта классификация основывается преимущественно на строении черепа и зубов. У собственно крокодилов длинные, остроконечные, узкие морды и с обеих сторон нижней челюсти имеется по большому зубу. Когда пасть закрывается, зубы входят в особые ямки в верхней челюсти. Гавиалы – тоже с длинной узкой мордой, но утолщенной на конце, и зубы у них почти все одинаковые и ровные. У аллигаторов, напротив, широкие плоские морды, заостренные на конце, как у щук, и неровные зубы, а четвертый зуб на нижней челюсти очень большой: когда закрывается пасть, он входит в особое углубление в верхней челюсти. Известны пять видов собственно крокодилов. Четыре из них встречаются в реках Африки, а пятый обитает в Вест-Индии, Центральной и Южной Америке. Гавиалы водятся в Азии, особенно в Ганге и в других реках Индии. Аллигаторов много в Северной и Южной Америке. Их близкая родня – кайманы, распространенные в Центральной и Южной Америке. Несомненно, когда великие реки Северной Америки будут изучены лучше, найдутся еще какие-нибудь разновидности. Я слышал о видах, обитающих в озере Валенсия в Венесуэле и отличных от американских: они гораздо меньше, и за ними усиленно охотятся индейцы из-за их мяса, которым аборигены очень любят лакомиться.

Я думаю, вполне достоверно, что все эти разновидности семейства крокодилов имеют почти одинаковые повадки. Различие в них определяется климатом, пищей или средой обитания. Поэтому то, что я расскажу вам об аллигаторе, можно применить ко всем его чешуйчатым кузенам. Вы знаете, какого он бывает цвета: серовато-коричневый сверху и грязно-желтовато-белый снизу. Вы знаете также, что аллигатор весь покрыт щитками и чешуей, и видели, конечно, что на спине эти толстые щитки образуют ряды пирамидок. На хвосте пластинки вытянуты в зубцы, и хвост выглядит зазубренным, словно пила. Заметьте, что хвост сплюснен вертикально, не так, как у бобра, у которого он плоский и горизонтальный. Лапы у аллигатора короткие и мускулистые: на передних – пять пальцев, на задних – по четыре, они соединены перепонкой. Голова аллигатора немного похожа на щучью. Ноздри расположены близко к концу морды. Глаза выдаются вперед, и сразу за ними находятся ушные отверстия. Зрачки глаз темные, радужная оболочка – лимонного цвета, зрачки не круглые, как у человека, а овальные, как у козы.

Все эти визуальные особенности ни для кого не секрет, но есть в строении аллигатора нечто такое, что обнаружит не каждый и не сразу. Его челюсти, например, открываются очень широко и по-особому сочленены между собой. Вследствие такого сочленения, когда аллигатор разевает пасть, шея его слегка подается вверх и кажется, что двигается верхняя челюсть, хотя на самом деле – нижняя.

– Да, я часто слышал, будто у крокодилов подвижна именно верхняя челюсть, – сказал Франсуа.

– Так считали больше тысячи лет, однако это неверно. Двигается именно нижняя челюсть, как и у других позвоночных, но внешнее впечатление, как я уже говорил, ведет к этой ошибке, сделанной невнимательными наблюдателями. Есть еще один факт, о котором надо упомянуть. Каждое из ушных отверстий защищено парой клапанов, которые при погружении аллигатора в воду закрываются. Ноздри его также снабжены клапанами.

Тело аллигатора длинное, а ноги короткие; тяжелый и неуклюжий, он не в состоянии быстро поворачиваться на суше, поэтому хищник не очень опасен на земле, если держаться подальше от его челюстей и могучего хвоста. Хвост – его основное оружие нападения и защиты, он очень подвижен, и аллигатор может одним его ударом сбить с ног и даже убить человека.

Многое об аллигаторах нам хорошо известно, например, то, что самки несут яйца величиной с гусиные и устраивают для них особое гнездо. Самка натаскивает растения, укладывает их в кучу и утрамбовывает. В такую кучу она зарывает десятка три яиц и хорошо прикрывает их сверху. Гниющая растительная масса разогревается, главное же – внутри кучи сыро, а сырость – обязательное условие для развития зародышей. Самка все время находится поблизости и охраняет гнездо от возможных нападений. А когда вылупляются детеныши, она разрывает кучу, и маленькие аллигаторы ползут к воде. Как видите, заботы матери не очень уж сложны и утомительны.

– Кажется, аллигаторы едят все, что попадает на пути? – заметил Франсуа.

– Да, они не очень разборчивы. Их обычной пищей является рыба, но они могут съесть и любое наземное животное, какое только в состоянии одолеть. Говорят, что аллигаторы предпочитают есть своих жертв, когда их трупы уже начинают разлагаться, – это сомнительно. Известны случаи, когда они убивали крупных животных и оставляли их на несколько дней в воде. Но, может быть, они просто не были голодны в то время и хотели сохранить пищу до тех пор, пока появится аппетит. Процесс пищеварения у них, как и у всех пресмыкающихся, очень медленный, им не требуется такого количества пищи, как теплокровным, – млекопитающим и птицам.

– Ты говоришь, Люс, что их любимая пища – рыба, – сказал Базиль, – а я думаю, что они охотнее всего лакомятся собаками. Я знаю, что аллигаторы часто появляются там, где слышат лай собак, как будто специально для того, чтобы поймать и сожрать их. Я видел, как однажды аллигатор схватил большого пса, переплывавшего реку Беф, и утащил его под воду с такой же быстротой, как форель – муху. Больше эту собаку никто не видел.

– Совершенно верно, – ответил Люсьен, – они едят собак так же, как и других животных, но является ли это их любимой пищей, не доказано. Правда, аллигаторы приближаются к тому месту, где слышат собачий лай, но натуралисты утверждают: это потому, что лай собак очень похож на звуки, которые издают детеныши пресмыкающихся.

– Но как аллигаторы ухитряются поймать рыбу? – поинтересовался Франсуа. – Ведь рыба движется гораздо быстрее их.

– Нет, лишь немногие виды рыб плавают быстрее. Аллигатор при помощи своих перепончатых лап и особенно плоского хвоста, который действует по принципу кормового весла и руля, способен плыть с такой же скоростью, как большинство рыб. Однако аллигатор добывает рыбу для еды не столько преследованием, сколько хитростью.

– Как это?

– Вы, наверное, часто замечали, как аллигаторы плавают на поверхности воды: не заметно ни одного движения тела, точно на воде лежит какой-то длинный, изогнутый полукругом предмет.

– Да-да, конечно!

– Так вот, если бы мы заглянули в это время под воду, то увидели бы где-нибудь с внешней стороны полукруга рыбу. Она спокойно наблюдает за поверхностью воды в поисках добычи – мух или жуков. Рыба не обращает внимания на темную массу, которая медленно скользит по направлению к ней и выглядит вполне безопасной, так как голова хищника повернута в сторону от намеченной жертвы. Кажется, он спит, но он хорошо знает, что делается вокруг. Он тихо плывет дальше, пока рыба не очутится вблизи от его огромного хвоста, который до тех пор бывает выгнут, как лук. И тогда, наметив верную мишень, аллигатор ударяет по своей ничего не подозревающей добыче с такой силой, что сразу убивает ее. Иногда этот удар отбрасывает рыбу прямо ему в пасть, а иногда выкидывает на несколько футов из воды.

На земле аллигатор бьет свою добычу аналогичным способом. Во время удара его голова поворачивается так, чтобы встретить на полпути хвост, – таким образом, все тело образует полукруг. Если добыча не убита ударом хвоста, она отбрасывается напрямик в пасть чудовища, которое расправляется с ней в мгновение ока.

– А почему аллигаторы едят камни и другие твердые предметы? – спросил Базиль. – Я видел аллигатора со вспоротым брюхом. Его желудок был почти на четверть набит камнями величиной с мой кулак, кусками палок и стекла. Они выглядели так, будто уже долго пробыли в желудке: все острые края были обточены. Этого я никак не могу понять.

– Неудивительно. Даже более осведомленные ученые-натуралисты, чем мы с вами, не знают точной причины этого явления. Говорят, тут действует тот же принцип, что у птиц и других животных, которые глотают гравий и землю, чтобы помочь процессу пищеварения. Другие утверждают, что пресмыкающиеся специально набивают желудок, чтобы легче перенести долгий период голодания в течение зимней спячки, – такое мнение я считаю абсурдным. Я думаю, что всякие посторонние предметы, которые находят в желудке аллигаторов, попадают туда случайно. Аллигаторы глотают их время от времени по ошибке или вместе с добычей, ведь их вкусовые органы далеки от тонкости восприятия и они готовы сожрать все, что выбрасывают в воду, даже стеклянную бутылку. Все эти предметы остаются в желудке аллигаторов и накапливаются там. Желудок у них, как и у большинства пресмыкающихся, очень грубый, и ни камни, ни палки, ни стекло не причиняют ему никакого вреда.

Не следует сравнивать желудок аллигатора с желудком человека, равно как и другие органы. Если наш мозг серьезно поврежден, мы умираем. Известны отдельные случаи, когда мозг аллигаторов был разрушен выстрелом, а они продолжали сражаться с теми, кто пытался приблизиться к ним. Мозг их, как у всех пресмыкающихся, очень маленький. Это показывает, что они находятся на более низкой ступени развития, чем птицы и млекопитающие.

– Ты говоришь, Люсьен, что повадки семейства крокодилов очень сходны, почему же африканские крокодилы намного свирепее других и часто нападают на жителей Сенегала и Верхнего Нила и пожирают их? Наши аллигаторы не такие кровожадные. Правда, они иногда бросаются на негров и, говорят, особенно на детей, но это случается, только если сами люди по неосторожности окажутся на пути аллигаторов. Наши аллигаторы фактически не опасны, если их не трогать. Мы, например, не боимся приблизиться к ним с одной лишь палкой в руках.

– Насчет большей или меньшей кровожадности крокодилов твои выводы, Базиль, сомнительны. Мы просто уверены, что эти чудовища слишком неуклюжи на суше, чтобы схватить нас, ведь мы легко можем отскочить в сторону и увернуться от их хвостов и челю-

стей. Но я не думаю, чтобы ты сейчас рискнул переплыть эту реку, хотя тут, по твоим словам, «неопасные» аллигаторы.

– Конечно, не рискнул бы.

– Вот именно, потому что и местные аллигаторы, по всей вероятности, кинулись бы на тебя раньше, чем ты достиг противоположного берега. Но наши аллигаторы сейчас не такие, какими были сто лет назад, тут ты прав. Мы знаем из достоверных источников, что прежде аллигаторы гораздо чаще, чем сейчас, нападали на людей без всякой причины. Теперь они стали бояться нас, так как инстинктивно усвоили, что мы представляем для них серьезную угрозу. Эти пресмыкающиеся легко могут отличить людей от других животных по внешнему виду и прямохождению. Подумайте, как много их уничтожили в период моды на крокодиловую кожу и как много их убивают и сейчас ради жира и хвостов! Поэтому вполне естественно, что они избегают людей и вблизи плантаций и селений ведут себя куда смирнее, чем в необитаемой местности. Однако я слышал, что есть еще такие участки в больших болотах, где к этим животным под страхом смерти нельзя приближаться.

Про аллигаторов и кайманов рассказывают множество всяких историй. Большинство из них вымышленные, но некоторые вполне достоверны. Мне запомнилась одна, которая, я уверен, полностью правдива. Я расскажу ее вам, если хотите, но это очень грустная и трагическая повесть, я бы даже хотел, чтобы она не была правдой.

– Расскажи, расскажи нам! – закричал Франсуа. – Мы выдержим, у нас с Базилем крепкие нервы, да, Базиль?

– Да, разумеется, – отозвался тот. – Давай, Люс.

– Ну ладно, – согласился Люсьен, – слушайте. История недлинная, она не утомит вас.

Глава IX

Мать-индианка и кайман

Наверное, в Америке нет другого такого места, где бы кайманы достигали больших размеров и были свирепее, чем на Магдалене и ее притоках. Все эти реки текут в низменной части тропиков: климат там очень жаркий и, следовательно, чрезвычайно благоприятный для развития крупных пресмыкающихся. Не слишком деятельный характер людей, населяющих эту часть страны, – полуиндейцев-полуиспанцев – является причиной того, что они почти не охотятся и не истребляют опасных хищников достаточно энергично. В результате крокодилы там меньше боятся людей и нередко нападают на них. Кайманы Магдалены иной раз пожирают туземцев, случайно попавших в воду, где обитают эти чудовища. Нередко лодочники, которые плавают по реке Магдалене на своих плоскодонках, по неосторожности падают в воду и становятся добычей кайманов, так же как моряки в океанах делаются добычей акул. Лодочники берут с собой ружья, чтобы стрелять в кайманов, но убить каймана выстрелом очень трудно, а человек при этом еще должен успевать управлять лодкой. Надо непременно попасть животному в глаз – все остальное его тело неуязвимо даже при выстрелах из мушкета. Конечно, тут необходим точный прицел и важен удобный случай, когда кайман спокойно лежит на берегу или на поверхности воды. Если кайман находится на суше, его можно попытаться застрелить, направив пулю в мягкую эластичную кожу под лопаткой, но это ненадежный способ: часто бывает, что и несколько выстрелов в эту часть тела не убивают животное. Иногда жители Магдалены ловят кайманов при помощи лассо и, втащив на берег, рубят топорами или закалывают копьями. И все же кайманы расплодились в этих реках в большом количестве, и местное население борется с ними неэффективно за исключением случаев, когда происходит какая-нибудь ужасная трагедия, например, если кайманы, схватив намеченную жертву, разрывают ее на части и пожирают. В таких случаях люди, сочувствуя несчастью соседа, как будто пробуждаются от обычной апатии, объединяются и разом уничтожают множество этих ужасных пресмыкающихся. История, которую я обещал вам рассказать, как раз на эту тему.

В нескольких милях от города Новый Карфаген на Магдалене жил один пастух. Его ранчо, крытое пальмовыми листьями, стояло в пустынной и малозаселенной местности на берегу реки, где водилось много кайманов. У пастуха были жена и маленькая дочь шести-семи лет. Она была хорошенькая и, кроме того, единственный ребенок, и, конечно, родители обожали ее. Пастуха часто не бывало дома – он уходил со стадом далеко в лес. Но жена его мало беспокоилась о том, что остается одна. Она была индианка и привыкла к таким опасностям, которые повергли бы в ужас городских женщин.

Однажды, когда муж ее, как обычно, отсутствовал – пас стадо, женщина пошла к реке стирать белье. Река была единственным источником воды около ранчо, и, стирая прямо в реке, женщина избавляла себя от труда носить воду. Кроме того, у берега лежал широкий, плоский и гладкий камень, на котором женщина обычно колотила белье. Маленькая дочь пошла с нею, неся узелок с бельем. Женщина наполнила сосуды водой и принялась за работу. В это время девочка, желая развлечься, начала собирать спелые гуавы, срывая их с дерева, росшего на самом берегу и свисавшего над водой. Занятая своим делом, мать вдруг услышала дикий крик и всплеск воды. Оглядевшись, она увидела, что ее ребенок погружается в воду и огромный кайман устремляется вслед за ним. В ужасе женщина уронила белье, бросилась туда и, не колеблясь ни минуты, прыгнула в воду, которая была ей по горло. В этот момент ребенок показался на поверхности. Мать схватила девочку на руки и хотела уже вытащить ее из воды, когда кайман кинулся вперед, разинув пасть, и одним взмахом мощных челюстей отделил ноги девочки от туловища. Девочка закричала еще раз, но это был ее

последний крик. Когда мать выбралась на берег и положила на землю изувеченное тельце, ребенок уже не дышал.

Некоторое время несчастная мать сидела и смотрела на бранные останки. Иногда она наклонялась и целовала бледные помертвевшие губы. Но она не плакала. Я ведь уже сказал, что она была индианка. Они ведут себя не так, как белые. Как бы то ни было, боль ее была слишком остра, чтобы проливать слезы. Женщина не кричала, не звала на помощь – это было бесполезно: слишком поздно. Она знала, что вблизи никого нет на расстоянии многих миль. Она поднимала глаза от искаленного тельца лишь для того, чтобы взглянуть на темную воду: там, в тени кустов гуавы, плавало взад-вперед гнусное пресмыкающееся. Оно проглотило лакомый кусочек и нетерпеливо ожидало следующего.

На лице женщины были написаны невыносимое страдание и жажда мести. Вдруг внезапная мысль пришла ей в голову. Она поднялась и, бросив взгляд сначала на тело дочери, а затем на каймана, быстро пошла к дому. Через несколько минут она возвратилась, неся длинное копье. Это было охотничье копье ее мужа, которое он часто пускал в ход при встречах с ягуаром и другими хищниками. Она принесла также и другие предметы: лассо, несколько веревок и два ножа.

Придя на берег, женщина с беспокойством огляделась. Кайман был еще здесь. Она повернулась и с минуту стояла, как бы раздумывая. Наконец женщина приняла решение и, наклонившись, вонзила копье в то, что осталось от ее ребенка. Это было страшное дело, но чувство мести превозмогло ужас. Затем она привязала к копью ножи, расположив их так, чтобы они торчали, как зубцы, придвинула изуродованное тельце вплотную к ножам и плотно затянула петлю лассо на древке копья. Другой конец лассо она обвязала вокруг ствола дерева, хорошо зная, что ее собственная сила ничтожна по сравнению с силой такого чудовища, как кайман. Когда все было готово, женщина взялась за древко и метнула копье вместе с телом и со всем остальным в воду. Взяв лассо в руки, она спряталась за кусты и затаилась. Ждать пришлось недолго. Кайман тут же бросился вперед и схватил тело ребенка своими огромными челюстями. Женщина оставалась неподвижной, выжидая.

Кайманы не жуют пищу, их зубы для этого не приспособлены – они созданы только для того, чтобы хватать, а язык, который они не могут высунуть, лишь помогает при глотании. Через несколько мгновений тело девочки исчезло в широком горле чудовища. Увидев это, женщина вдруг вскочила и сильно потянула лассо. Дикий вой известил о том, что ее намерение увенчалось успехом. Торчащие лезвия вонзились в каймана, и он был побежден. Почувствовав, что его поймали, огромное пресмыкающееся нырнуло на дно, затем всплыло снова. Громко мыча, оно било хвостом, вспенивая воду. Кровь хлестала из его пасти и ноздрей. Кайман метался из стороны в сторону, сотрясая дерево, но толстое ремненное лассо удерживало его. Это продолжалось долго. Наконец кайман ослабел, и вот он уже лежал неподвижно в воде.

Во время всей этой сцены мать сидела на берегу реки в глубоком молчании, но, когда она устремляла глаза на чудовище, лишившее ее ребенка, они вспыхивали мстительным огнем. Звук конских копыт заставил женщину выйти из оцепенения, и она оглянулась. Приехал ее муж. Женщина поведала ему обо всем, а вскоре о случившемся узнали и все соседи. Сочувствие к чужому горю заставило подняться всю округу. В течение нескольких дней против кайманов велась война на уничтожение.

– Вот подлинный случай, – произнес Люсьен, завершая свой рассказ. – Со дня этого печального происшествия миновало не больше двух лет.

– Какая трагическая история! – с волнением воскликнул Базиль. – Черт побери, начинаешь ненавидеть этих чудовищ! Мне хочется сейчас же застрелить хоть одного! Кроме того, мне нужен длинный зуб аллигатора, чтобы заряжать ружье. – С этими словами он взял ружье и пошел к воде. Вблизи не было видно ни одного аллигатора, хотя в реке их обитали десятки.

– Стой, Базиль! – закричал Франсуа. – Потерпи немного, я заставлю их приблизиться. Спрячься, а я выманю их к берегу.

У Франсуа были необычайные способности к подражанию: он мог имитировать все – от крика петуха до мычания быка, – и так естественно, что обманывал самих животных. Сбежав вниз к берегу, он укрылся в зарослях юкки и начал скулить и лаять, как маленький щенок. Базиль тоже спрятался в кустах. Через минуту несколько аллигаторов уже подплывали с разных сторон. Вскоре они достигли того места на берегу, где притаился Франсуа. Впереди всех плыл большой самец; задрав морду, он выполз из воды. Аллигатор, конечно, рассчитывал чем-то поживиться, но ему суждено было разочароваться в своих ожиданиях. Раздался выстрел Базиля, и ужасное пресмыкающееся забарахталось в грязном иле и через некоторое время затихло. Аллигатор был мертв – меткая пуля угодила ему прямо в глаз.

Базиль и Франсуа вышли из засады – они не собирались зря тратить пули. Остальные аллигаторы, увидев людей, уплыли еще быстрее, чем приплыли. Топориком Люсьена мальчишки выбили из челюсти убитого аллигатора самые большие зубы, а страшное тело оставили лежать на месте – на съедение волкам и хищным птицам, всем тем, кто захочет им поживиться. Поужинав куском оленины и запив его кофе, наши любители приключений расстелили в палатке шкуры бизона и улеглись спать. На следующее утро они встали на рассвете и, вкусно позавтракав, оседлали коней и отправились дальше.

Глава X

Пища шелковичных червей

Покинув Реку Крокодилов, наши юные охотники направились прямо на восток через прерии Оуплаусаса. Они не рассчитывали встретить бизонов в этих лугах – бизоны уже давно оставили пастбища Оуплаусаса и ушли на запад. Вместо них на этих равнинах бродили тысячи длиннорогих животных. Но все они, хотя и не вполне ручные, имели хозяев, носили тавро и паслись под присмотром пастухов, которые объезжали стада на лошадях. В прериях Оуплаусаса имелись поселения белых, но наши путешественники не стали сворачивать со своего пути, чтобы посетить их, – целью экспедиции было продвинуться намного дальше, и нельзя было попусту терять время. На пути приходилось пересекать многочисленные притоки и реки, большинство которых текло на юг, впадая в Мексиканский залив. Мелководные реки мальчики переходили вброд, а глубокие – переплывали на лошадях. Это не представляло трудностей, так как и лошади, и мул Жаннет, и собака Маренго – все умели плавать, как рыбы.

После нескольких дней пути юные охотники достигли берегов реки Сабин, которая отделяет Луизиану от Техаса, бывшего тогда мексиканской территорией. Эта местность отличалась от большинства тех, которые они проехали. Тут было много холмов и возвышенностей, изменился и растительный мир: исчезли высокие темные кипарисы, уступив место соснам. Леса были светлее и не так густы. Сабин разлилась, но мальчики все же переплыли ее и остановились на западном берегу. Хотя солнце было еще высоко, братья решили остаться у реки до конца дня, так как во время переправы намок багаж. Они разбили лагерь на полянке, в роще низкорослых деревьев. Там было много открытых лужаек, так как деревья росли далеко друг от друга, и вся рощица выглядела как запущенный сад. Кое-где, возвышаясь над остальными деревьями, виднелись конусообразные вершины магнолий, огромный голый ствол одной из них казался на расстоянии старой разрушенной башней.

Земля была покрыта всевозможными цветами. Здесь были и голубой лупинус, и золотистые подсолнечники, и красные цветы мяты, и мальвы по пять дюймов в диаметре, и дикий виноград, и другие ползучие растения, которые обвивались вокруг деревьев или протягивались гирляндами с одного на другое. Больше всего бросались в глаза ярко-алыми растрюбами своих венчиков огромные цветы бигнии. Среди цветов наши охотники и расположились лагерем, разбив, как всегда, палатку и привязав животных. Светило яркое солнце, и мальчики разложили для просушки мокрую одежду и одеяла.

– По-моему, – сказал Люсьен, после того как они закончили все приготовления, – мы остановились на месте старого индейского города.

– Почему ты так думаешь? – спросил Базиль.

– А я вижу какие-то кучи, поросшие сорной травой и вереском. Это могилы индейцев или сгнившие бревна домов, которые когда-то стояли здесь. Об этом можно судить и по деревьям. Взгляните вокруг. Заметили вы что-нибудь особенное в этих деревьях?

– Ничего, – ответил Франсуа. – Ничего, за исключением того, что они в большинстве своем маленькие и низкие.

– Я их видел и раньше, – заметил Базиль. – Здесь и тутовые деревья, и темные деревья грецкого ореха, и дикая слива, и папайя, и оранжевое дерево, и орешник гикори, и пиканы, и медовые локустовые деревья. Больше ничего, кроме винограда и больших магнолий. Я убежден, что видел все эти деревья и прежде.

– Да, – согласился Люсьен. – Но видел ли ты когда-нибудь, чтобы они росли вот так – все вместе?

– А, это другое дело! Кажется, нет...

– Это потому, – продолжал Люсьен, – что, как мне кажется, здесь были когда-то поселения индейцев. Эти деревья или другие, от которых они произошли, выросли здесь не сами – их посадили индейцы.

– Но погоди, Люс, – перебил Франсуа, – я никогда не слышал, чтобы у индейцев в этих местах существовали такие крупные поселения. Ведь подобные низкие леса простираются на несколько миль вниз по реке. Получается, что индейцы культивировали уж очень большую площадь.

– Я думаю, – отвечал Люсьен, – индейцы, которые сейчас заселяют этот район, никогда не сажали эти деревья. Вероятнее всего, мы видим поселение древнего племени натчезов.

– Натчезов?! Натчез – это город на Миссисипи. Я не знал, что какое-то племя индейцев так называлось.

– В наше время их уже нет, но когда-то большое племя, занимавшее всю территорию Луизианы, носило это имя. Говорят, что, подобно мексиканцам и перуанцам, натчезы достигли больших успехов в развитии цивилизации: знали, как ткать материю и возделывать почву. Теперь этот народ вымер.

– Как же это случилось?

– Никто определенно не знает. Некоторые старые испанские авторы утверждают, что данное племя было уничтожено индейцами Южной Америки, – совершенно нелепая версия, как и многое из того, что пишут старые испанские авторы, книги которых больше похожи на детские сказки, чем на произведения ученых. Гораздо вероятнее, что натчезов завоевали другие индейские племена – крики и чикасавы, пришедшие с запада, и что остатки натчезов смешались с населением завоевателей и растворились в нем. Таким образом, на мой взгляд, и исчезли натчезы. Почему же это место не может быть одним из их древних поселений, а деревья – остатками садов, которые они обрабатывали, выращивая фрукты или для каких-нибудь иных целей?

– Но нам-то какая польза от таких деревьев? – усмехнулся Франсуа.

– Что ты говоришь! – возмутился Базиль. – Ты, Франсуа, каждый год съедаешь столько орехов гикори, и пиканы, и красной шелковицы! Ты любишь сочные фрукты, как опоссум! И ты еще спрашиваешь, какая польза?

– Да, правда, – ответил Франсуа. – Но мы не разводим эти деревья – мы находим их в лесу, где они растут сами по себе...

– Потому что, – прервал его Люсьен, – у нас есть преимущество перед индейцами. Мы ведем торговлю и получаем другие, лучшие сорта плодов из всех областей земного шара. У нас есть хлебные злаки, пшеница, рис и многое другое, чего не было у индейцев, поэтому мы способны обойтись без этих деревьев. У индейцев совсем не так. У них имелся только маис, а им, как и всем людям, хотелось разнообразия. Эти деревья предоставляли им такую возможность. Индейские племена, жившие в тропиках, питались достаточно разнообразно. Ни один народ, не знающий торговли, не был более обеспечен плодоносящими растениями и деревьями, чем ацтеки и другие племена юга. У натчезов, однако, и у тех, кто живет в зоне умеренного климата, были свои растения и деревья вроде тех, что сейчас перед нами, и от них люди получали и необходимую пищу, и лакомые фрукты, и напитки. Первые колонисты поступали так же, а многие поселенцы отдаленных районов и по сей день используют эти продукты природы.

– Не правда ли, было бы неплохо, – сказал Франсуа, обращаясь к старшему брату, – если бы Люсьен поделился с нами своими ботаническими познаниями и рассказал нам обо всех этих деревьях? Он ведь все о них знает.

– Да, – ответил Базиль, – Люс, мы тебя слушаем.

– Хорошо, – охотно согласился Люсьен. – Только я не буду приводить ботанические описания в соответствии с теорией Линнея⁴ – это слишком сложно, вы утомитесь. Лучше я расскажу то, что сам знаю о свойствах этих деревьев и их применении. Заметьте, не существует ни одного дерева или растения, которое не предназначалось бы природой для какой-нибудь цели. Если бы ученые-ботаники посвящали больше времени изучению вопросов практического использования флоры, их труды принесли бы колоссальную пользу всему человечеству. Давайте начнем с шелковицы, поскольку ее особенно много вокруг. Если бы я взялся рассказать вам все, что известно об этом ценном дереве, то проговорил бы весь день или даже больше. Я изложу лишь самое важное.

Шелковицу знали еще древние греки, а сейчас выделены и изучены несколько видов этого рода. Наверное, в диких странах встречаются и другие виды шелковицы, которые ботаники еще не открыли и не описали. Это относится ко всем растениям: каждый день мы слышим все о новых и новых разновидностях, открытых предприимчивыми исследователями. Наиболее важная из всех известных – белая шелковица. Достаточно сказать, что весь наш шелк добывается от шелковичных червей, живущих именно на этом дереве. Оно называется так по цвету его ягод, которые, однако, не всегда белые – иногда они бывают пурпурные или черные. Дать точное описание белой шелковицы трудно, поскольку, подобно яблоням и грушам, существует много ее разновидностей, происходящих от одних и тех же семян, но произрастающих в разной почве и в условиях неодинакового климата. В целом шелковица – небольшое дерево, редко достигающее сорока футов высоты. Оно ветвистое, листья у него плотные, мясистые. Самой важной частью шелковицы являются листья, так как именно ими питается шелковичный червь. Правда, он может питаться листьями и других разновидностей шелковицы, так же как и листьями многих растений: вязов, фиговых пальм, латука, свеклы и эндивия, – но тогда шелк получается более низкого качества. Даже разные породы самой белой шелковицы дают разное качество шелка.

Древесина шелковицы плотная и тяжелая, один кубический фут ее весит сорок четыре фунта. Во Франции шелковицу часто употребляют в токарном деле, кроме того, из нее делают винные бочки, потому что она придает белым винам приятный аромат фиалок. Из веток изготавливают подпорки для винограда и изгороди, а из коры – путем процесса, который у меня нет времени описывать, – вырабатывают материю, почти такую же тонкую, как сам шелк. Ягоды белой шелковицы, растущей в теплом климате, очень вкусные, из них получается отличный сироп. Предположительно белая шелковица впервые была вывезена из Китая, где она и сейчас встречается в дикорастущем виде. Китайцы первыми стали культивировать ее для разведения шелковичных червей еще за две тысячи семьсот лет до нашей эры. Теперь это дерево растет повсюду: оно используется или в декоративных целях, или для производства шелка.

Следующая разновидность – черная шелковица, называемая так по цвету ягод: они темно-пурпурные, почти черные. Этот вид происходит из Персии, но сейчас, как и белая шелковица, встречается во всех цивилизованных странах. Черную шелковицу легко отличить от белой: кора ее намного грубее и темнее, древесина не такая твердая и тяжелая, но тоже очень прочная, – в Англии из нее делают обручи, колеса и шпангоуты⁵ небольших кораблей. Черную шелковицу культивируют не столько для разведения шелковичных червей, сколько как декоративное и тенистое дерево, хотя в некоторых областях, особенно там, где другие виды шелковицы не приживаются, она идет и на корм шелковичным червям, например в Испании, Италии и Персии. Листья черной шелковицы едят также коровы,

⁴ Линней Карл (1707–1778) – выдающийся шведский естествоиспытатель, создавший систему классификации растений и животных.

⁵ Шпангоуты – балки, служащие основанием для накладки бортов корабля.

овцы и козы, корни ее применяют как глистогонное средство, ароматные ягоды едят сырыми, в виде варенья, а смешивая с сидром, получают из них приятный на вкус напиток. Греки изготавливают из этих ягод некрепкую водку, французы – вино, но его надо пить, пока оно молодое, потому что скоро оно превращается в уксус. Ягоды черной шелковицы полезны при лихорадке и ревматизме. Их с жадностью поедают птицы – и дикие, и домашние.

Переходим к третьей разновидности – красной шелковице. Вот она перед вами. – Люсьен показал на дерево, на которое уже обращал внимание своих братьев. – Ее называют красной из-за ягод – они темно-красного цвета и очень напоминают красную малину. Некоторые из этих деревьев, как видите, около семидесяти футов высотой, хотя обычно они несколько ниже. Посмотрите внимательно на листья: они сердцевидной формы, многие из них десять дюймов в длину и почти столько же в ширину, темно-зеленые и шершавые на ощупь; шелковичные черви не едят их, но красная шелковица дает чудесную тень, ради которой и выращивают эти красивые деревья. Ягоды красной шелковицы – я думаю, Франсуа согласится со мной, – не уступают по вкусу лучшей малине. Что касается стволов этого дерева, их часто используют в кораблестроении, особенно в южных штатах. Бледно-лимонного цвета древесина красной шелковицы наряду с локустом считается наиболее подходящей по прочности для нагелей⁶. Красная шелковица, как белая и черная, бывает разных пород, значительно отличающихся друг от друга.

Четвертый вид – бумажная шелковица, но он выделен ботаниками в отдельный род. Он заслуживает особого внимания, потому что это очень ценное дерево, или, точнее, кустарник, не такой высокий, как три предыдущие шелковицы. Родина бумажной шелковицы – Китай, Япония и острова Тихого океана, но ее, как и другие шелковицы, разводят в декоративных целях в Европе и Америке. Ее ягоды алые и круглые, а не продолговатые, как у прочих шелковиц, – и в этом одна из причин, почему ее выделили в самостоятельный род. Листья бумажной шелковицы непригодны для шелководства, но являются хорошей пищей для скота, и, поскольку этот кустарник растет быстро и имеет густую листву, животноводы считают, что его надо специально разводить на корм скоту вместо травы. Не знаю, были уже такие попытки или нет. Большой интерес представляет кора бумажной шелковицы: в Китае и Японии из нее производят бумагу; кроме того, из нее делают красивую, так называемую индийскую бумагу для гравюр и тонкую белую ткань, которую носят жители островов Согласия и которая поразила европейцев, когда они впервые увидели ее. Как изготавливают ткань и бумагу – отдельная тема, сейчас это займет слишком много времени.

Существует еще один род деревьев, напоминающих шелковицу. Они ценятся за древесину, которая дает хорошую желтую краску, известную как «желтое дерево». Особенно подходит для данных целей так называемый красящий тут: он растет в Вест-Индии и в тропиках Америки, его разновидности встречаются и в северных штатах, хотя более низкого качества; из них добывают заменитель желтой краски, которая идет на продажу. Вот и все о шелковице. Боюсь, у меня уже нет времени рассказать о других деревьях.

– Нет, что ты, времени предостаточно! – заверил Люсьена Базиль. – Нам больше пока нечем заняться, так лучше мы поучимся у тебя, чем слоняться без дела. Честное слово, Люс, ты так увлекательно все излагаешь, что заставишь и меня заинтересоваться ботаникой!

– Вот и хорошо, – ответил Люсьен. – Я считаю, что это чрезвычайно важная наука не только с точки зрения ее пользы для всяких ремесел и производств, но и для того, кто ее изучает, – она повышает культуру человека.

Люсьен хотел приступить к рассказу о других деревьях, но по ряду причин разговор пришлось прервать.

⁶ Нагели – стержни для скрепления деревянных частей корабля.

Глава XI

Цепь разрушений

Прямо перед палаткой между двумя деревьями протянулись плети дикого винограда. Большие камедные деревья и ползучие растения переплелись между стволами и образовали своими темными листьями непроницаемую сетку. Цветов было так много, что они почти закрывали листья, и казалось, будто между деревьями натянут яркий ковер. Цветы поражали разнообразием расцветок: некоторые – белые, как звездочки, но в большинстве своем яркие, как алые колокольчики бигнонии. Франсуа, слушая брата, время от времени поглядывал на цветы, любуясь ими, и вдруг воскликнул:

– Посмотрите туда: колибри!

В Америке не так часто увидишь колибри, как рассказывают путешественники. Даже в Мексике, где много пород колибри, вы не каждый день встретите этих птичек. Правда, вы можете их просто не заметить, если не ищете их специально. Это такие крохотные существа и они так быстро летают, порхая с цветка на цветок и с дерева на дерево, что вы пройдете мимо, даже не обратив на них внимания, или примете их за пчел. А в Соединенных Штатах, где до сих пор известна только одна порода колибри, увидеть их – большая редкость, и это обычно вызывает всеобщий интерес. Вот почему в восклицании Франсуа звучали удивление и удовольствие.

– Где? – с живостью спросил Люсьен, вставая с места.

– Вон там, – показал Франсуа, – около бигнонии. По-моему, их там несколько.

– Осторожно, – предупредил Люсьен братьев. – Приближимся тихонько, чтобы не спугнуть их. Хочу понаблюдать за ними. – И Люсьен стал осторожно продвигаться вперед, а Базиль и Франсуа за ним. – А, – обрадовался Люсьен, когда они подошли ближе, – теперь я вижу одну! Это рубиновая колибри. Она пьет сок бигнонии. Они любят эти цветы больше других. Смотрите, она забралась внутрь цветка. Вот она вылезла обратно! Послушайте, какой звук издают ее крылышки, – как жужжание большой пчелы, поэтому колибри часто называют жужжащими птичками. Посмотрите, как блестит ее горлышко, – как рубин!

– Вон еще другая! – сделал знак Франсуа. – Взгляните вверх! Эта не такая красивая, как первая. Она другой породы, Люс?

– Нет, – ответил Люсьен, – это самка той же породы, но ее оперение не такое яркое; обрати внимание, что грудка у нее не рубиновая.

– Больше я не вижу колибри, – сказал Франсуа после некоторого молчания.

– Наверное, их тут только две, – заметил Люсьен, – самец и самка. Сейчас период выведения птенцов. Несомненно, где-то поблизости у них гнездо.

– Давайте поймаем их, – предложил Франсуа.

– Это можно бы сделать, будь у нас сеть.

– Я могу застрелить их дробью.

– Нет-нет, – запротестовал Люсьен, – даже самая маленькая дробинка разорвет колибри на кусочки. В этих птичек иногда стреляют семенами мака или водой. Но не нужно этого делать, я хочу понаблюдать за ними, чтобы удостовериться в одном своем предположении. А вы пока поищите гнездо – у вас зоркие глаза. Оно где-то поблизости, в какой-нибудь обнаженной развилке, а не в ветвях или листьях.

Базиль и Франсуа принялись искать гнездо, а Люсьен продолжал следить за поведением крошечных пернатых созданий. Наш молодой натуралист хотел узнать, едят ли колибри насекомых или питаются только цветочным нектаром, – по этому вопросу между орнитологами шел спор. Пока Люсьен стоял и смотрел на птичек, прилетел, жужжа, большой шмель и уселся на цветок. Едва его ножки коснулись ярких лепестков, как самец

колибри напал на него, словно маленькая фурия. Враги вместе вылетели из цветка, продолжая на лету свою борьбу. После короткого состязания шмель пустился наутек и удалился с сердитым жужжанием, которое, конечно, происходило оттого, что, улетаю, он быстрее, чем обычно, работал крылышками.

Крик Франсуа возвестил, что гнездо обнаружено. Оно помещалось в развилке низкой ветки, и яиц в нем еще не было, иначе обе птички не летали бы вдаль от него. Братья внимательно осмотрели гнездо, но не тронули его. Оно было свито из тонких нитей испанского мха, которыми и прикреплялось к ветке, внутри его выстилал шелковистый пух анемона. Гнездо представляло собой полушарие в один дюйм диаметром, открытое сверху, и было такое маленькое, что обычный человек, а не зоркий Франсуа – опытный птицелов и открыватель гнезд, – принял бы его просто за выпуклость на коре дерева.

Все трое вернулись, чтобы продолжать наблюдение за птичками, которые, не заметив, что возле их гнезда побывали люди, по-прежнему порхали среди цветов. Мальчики подкрались как можно ближе, прячась за ползучими растениями. Люсьен был впереди всех, его лицо находилось в нескольких футах от крохотных созданий, и он мог следить за каждым их движением. Вскоре он был вознагражден зрелищем, разрешившим вопрос, который его интересовал. Внимание Люсьена привлек рой синекрылых мушек. Они порхали среди цветов, то садясь отдохнуть, то перелетая с одного цветка на другой. Юный натуралист видел, что птички несколько раз бросались на мух с открытым клювом и хватали их. Итак, все ясно: колибри питаются насекомыми. Через некоторое время самка колибри улетела к своему гнезду, оставив самца одного.

Мальчики удовлетворили свое любопытство и хотели уже вернуться к палатке, когда Люсьен вдруг сделал им знак замолчать. Франсуа первым понял, чем вызвано такое поведение брата, а потом и Базиль. Какое мерзкое существо они увидели! Притаившись в листе, то двигаясь боком, то делая короткие прыжки и прячась, ползло отвратительное на вид насекомое примерно такого же размера, как колибри. Тело его состояло из двух сочлененных в середине частей и было покрыто красновато-коричневой шерстью вроде волос, которые торчали вертикально, как щетина; волосатыми были и все десять длинных кривых лапок. Спереди у существа имелись двое щупалец, загнутых, как клешни, а сзади – два длинных рога, и, если бы не поблескивающие глазки, трудно было бы различить, где голова, а где хвост. Безобразное тело цвета ржавчины, волосатые лапки – все это придавало насекомому поразительно зловещий вид, каким обычно отличаются представители рода пауков.

– Прыгающий тарантул! – шепнул Люсьен братьям. – Смотрите, он охотится на колибри.

Очевидный факт: шаг за шагом, прыжок за прыжком паук приближался к цветам, где находилась птичка. Тарантул жадно следил за ней и всякий раз, когда она взлетала, отрываясь от цветка, прятался в листе. Когда же птичка садилась и была поглощена едой, притаившийся паук старался сократить расстояние между собой и жертвой быстрой перебежкой или прыжком, а затем снова нырял в листву в ожидании следующего удобного случая. Так как самец колибри часто порхал вокруг цветов, тарантулу приходилось все время менять направление движения. И вот после одного из коротких взлетов птичка наконец устроилась над цветком бигнонии прямо перед тем местом, где спрятался хищник. Она не вошла в чашечку цветка, а оставалась над ней, балансируя на своих трепещущих крылышках, в то время как ее длинный цепкий язычок высасывал нектар. Птичка не пробыла в таком положении и нескольких секунд, как тарантул прыгнул вперед и схватил ее своими щупальцами. Бедняжка отчаянно чирикнула, как раненый сверчок, и заметалась. Ее крылышки были пока свободны, и мальчики ожидали, что она унесет паука, который обхватил ее тельце. Однако вышло по-другому. После того как колибри отлетел на несколько футов от цветка, стало видно, что его полету что-то мешает: птичка еще держалась в воздухе, кидаясь во все сто-

роны, но улететь не могла. Внимательно приглядевшись, мальчики заметили, что между ней и деревьями тянется тонкая, будто шелковая ниточка, – это была паутина, и она-то и не позволяла жертве унести тарантула в воздух. Крылышки колибри скоро перестали двигаться, и оба существа – и птичка и паук – повисли на конце паутинки и висели в воздухе несколько мгновений. Мальчики видели, что птичка мертва и тарантул впился своими челюстями в ее сверкающее горлышко.

Франсуа хотел броситься и уничтожить убийцу, но Люсьен, который был слишком рьяным натуралистом, чтобы позволить кому-нибудь прервать свои наблюдения, удержал нетерпеливого брата, и все трое продолжали стоять неподвижно. Тарантул начал раскачиваться на своей паутине – он хотел утащить добычу в ветви дерева, где у него было гнездо. Мальчики взглянули наверх. Там, в тенистом уголке между большой лианой и стволом камедного дерева, они заметили паутину, туда-то и полз паук со своей добычей.

Неотрывно следя за тарантулом, юные путешественники вдруг увидели нечто блестящее, передвигавшееся по неровной коре лианы. Поскольку растение имело почти фут в диаметре и красно-коричневый цвет, ползущее существо, отливавшее яркими красками, резко выделялось на темном фоне. Это была ящерица, и весьма красивая, ее окраска вызывала восхищение. Вся спина ее, золотисто-зеленая, сверкала, как изумруд, зеленовато-белого брюшка, правда, не было заметно, так как животное лежало на лиане, – но виднелась часть туловища выразительного зеленого цвета. Бросалось в глаза и раздувшееся ярко-красное горло ящерицы: при свете солнца оно казалось разрисованным киноварью. Глаза ее сверкали огнем, и их радужная оболочка напоминала полированное золото, в середине которого блестели, как бриллиантики, маленькие зрачки. Передние лапки были такого же цвета, как туловище, на концах пальцев – плоские расширения. Строение лапок и раздутое горло указывали на род, к которому принадлежало данное животное, – аноли из семейства игуан, единственная разновидность аноли, обитающая на территории Соединенных Штатов Америки. Все эти сведения Люсьен сообщил братьям шепотом, пока они рассматривали животное, притаившееся на лиане. Базиль и Франсуа и раньше видели аноли и знали, что это зеленая ящерица, или хамелеон, как ее иногда называют. Животное имело не более шести дюймов в длину, и по крайней мере две трети длины занимали большая голова и тонкий, как кнут, хвост.

Ящерица двигалась вверх по лиане, извивавшейся между деревьями, и не видела мальчиков или же не обращала внимания на их присутствие, – это храброе животное не боится человека. Казалось, что аноли не видит тарантула, но, продвигаясь вверх, ящерица вдруг заметила, как паук карабкается по своей шелковой лестнице. Остановившись, аноли припал к лиане. Цвет его внезапно изменился: красное горло стало белым, затем пепельно-бледным, а ярко-зеленое тело постепенно сделалось темно-коричневым, напоминающим ржавчину. Таким образом, различить животное на коре лианы теперь было трудно, и, если бы взгляд наблюдателей не был прикован к ящерице, они решили бы, что она совсем исчезла.

После того как аноли пробыл несколько секунд в неподвижности, у него, казалось, созрел план атаки. Было ясно, что он собирается напасть на паука, который, так же как мухи и другие насекомые, является его обычной пищей. Он перебрался на противоположную сторону лианы и продолжал двигаться вверх, подбираясь к гнезду тарантула. Одним рывком аноли достиг своей цели, хотя все время полз вверх лапками: плоские расширения на концах пальцев помогают ящерицам из рода аноли двигаться вверх по отвесным стенам, оконным стеклам и даже по гладкому потолку. Несколько мгновений аноли лежал тихо, притаившись в ожидании, когда паук приблизится, а тот, занятый своим делом, и не предполагал, что рядом находится в засаде враг. Тарантул, несомненно, предвкушал удовольствие напиться крови птички, которую тащил в свое темное шелковое жилище. Но ему не суждено было добраться туда. Когда тарантул был уже в нескольких дюймах от входа, аноли выскочил из-за

ветки, схватил паука своими широкими челюстями, и все трое – ящерица, паук и колибри – упали на землю. При падении тарантул выронил колибри. Между ящерицей и тарантулом произошла в траве короткая борьба. Тарантул сражался яростно, но не мог сравниться с противником, который вскоре откусил ему конечности, и от паука осталось только беспомощное недвижимое туловище. Потом аноли схватил жертву за голову, вонзил в нее острые зубы и прикончил тарантула. Замечательнее всего было то, что, когда аноли прыгнул на свою добычу, его яркие краски вернулись подобно вспышке молнии: спина снова стала зеленой, а горло – красным, пожалуй, даже еще более ярким, чем прежде. Теперь он тащил паука по траве, явно пробираясь к находившейся поблизости гряде гнилых деревьев, наполовину скрытых ползучими растениями и вереском, – очевидно, там был его дом.

На этот раз Франсуа не пытался вмешиваться в процесс, потому что рассматривал смерть тарантула как справедливую кару. Кроме того, аноли ни у кого не вызывал раздражения, потому что эти красивые ловкие ящерицы не причиняют вреда человеку. Франсуа и его братья часто наблюдали, как маленькое существо аноли прыгает среди листвы и кормится мухами и другими насекомыми, но никогда раньше не видели это пресмыкающееся в такой ярости. Мальчики одобряли аноли за то, что он убил страшного тарантула, и не стали мешать ему уносить добычу. Однако препятствие возникло с другой стороны.

Франсуа, зоркие глаза которого видели все окружающее, вдруг воскликнул:

– Смотрите, смотрите, ящерица-скорпион!

Базиль и Люсьен взглянули туда, куда показывал Франсуа, – на ствол дерева, мимо которого сейчас полз хамелеон. В двадцати футах от земли в стволе было темное круглое отверстие – очевидно, бывшее гнездо красногрудого дятла. Однако птицы, свившие это гнездо, покинули его, и теперь его занимало существо совсем другого рода – ящерица-скорпион, чья красная голова и коричневая шея торчали в этот момент из дупла.

Каждый, кто путешествовал по бескрайним лесам Америки, знаком с подобной картиной: это пресмыкающееся часто можно увидеть в таком положении, и зрелище, надо сказать, неприятное. Ящерица-скорпион с красной головой и оливково-коричневым телом сама по себе некрасива, а когда она вот так выглядывает из своей мрачной норы в стволе дерева, поводя из стороны в сторону острой мордочкой, на которой поблескивают злые глазки, трудно представить себе более отвратительное существо. Двигающаяся голова ящерицы-скорпиона и привлекла внимание Франсуа. Голова поворачивалась то вправо, то влево, когда пресмыкающееся высовывалось из дупла и глядело вниз. Животное смотрело на землю под деревом и явно собиралось спуститься: видимо, шуршание аноли по сухим листьям привлекло внимание скорпиона.

В одну секунду ящерица-скорпион появилась на дереве и прижалась к коре. Задержавшись на миг, она пулей промчалась по стволу вниз и прыгнула на аноли. Хамелеон, так неожиданно атакованный, выронил паука и сначала хотел отступить. Если бы он это сделал, ящерица-скорпион не последовала бы за ним, так как единственной ее целью было отнять добычу. Аноли, однако, как мужественное животное, видя, что противник немногим крупнее его самого, вдруг повернулся и приготовился к сражению. Горло аноли раздулось до предела и стало еще ярче. Оба находились теперь друг перед другом в угрожающих позах на расстоянии двенадцати дюймов. Глаза противников сверкали, раздвоенные языки высунулись и блестели на солнце, а головы то поднимались, то опускались, как у боксеров, вышедших на ринг. Вот они кинулись друг на друга, разинув пасти, и стали кататься по земле, взмахивая хвостами, затем снова разошлись и приняли прежнюю вызывающую позу. Так они сходились и расходились несколько раз, и ни один из них, казалось, не мог одолеть другого.

Уязвимым местом зеленой ящерицы аноли является ее хвост. Это такая чувствительная часть тела, что даже при слабом ударе маленького прутика хвост отделяется от туловища. Ящерица-скорпион, казалось, знала об этом, так как несколько раз пыталась обойти своего

противника сзади, или, как говорится у военных, зайти ему в тыл, и явно стремилась атаковать его с хвоста. Аноли в свою очередь прилагал все усилия, чтобы не быть обойденным с фланга. Как ни старалась ящерица-скорпион, противник каждый раз встречал ее своей алой грудью. Поединок длился несколько минут. Маленькие существа проявляли такую ярость, будто бились два крокодила. Наконец аноли начал сдавать. Горло его побледнело, зеленый цвет поблек, и стало ясно, что силы покидают его. Тогда ящерица-скорпион сделала прыжок и перевернула противника на спину. Прежде чем аноли успел вскочить, враг схватил его хвост и откусил у самого туловища. Бедняга, чувствуя, что потерял больше половины своего тела, пустился наутек и спрятался в валежнике.

Оказалось, аноли посчастливилось, что он убежал, хоть и изуродованный, да и для ящерицы-скорпиона лучше было бы оставаться в своей норе. Сражаясь, они отделились от того места, где началась их битва, и оказались под раскидистой шелковицей. Тут внимание мальчиков привлекло какое-то движение в листве дерева. В следующее мгновение там мелькнуло что-то красное – и с дерева свесился предмет в фут длиной и в трость толщиной. Блестящая чешуя и то, что предмет извивался, не оставляли сомнений: это змея. Она стала медленно опускаться, и скоро из листвы уже показалась значительная часть ее тела – остальная была скрыта густой листвой, а хвостом змея, несомненно, обвилась вокруг ветки. Видимая часть змеи была кроваво-красного цвета, а ее живот – намного бледнее.

– Смотрите, – тихо сказал Франсуа, – какая она красная! Я никогда еще не видел таких змей.

– Я тоже, – отозвался Базиль.

– И я не видел, – признался Люсьен, – но читал их описания, я убежден, что это красная змея Скалистых гор.

– Ого! – воскликнул Базиль. – Я слышал рассказы охотников о ней!

– Да, – добавил Люсьен, – это редкая порода, и встречается она только на Дальнем Западе. Смотрите, скорпион хочет удрать! И аноли тоже убегает. Без хвоста!

Ящерица-скорпион увидела длинное красное тело змеи, висящее над ней, и побежала, стараясь спрятаться в траве. Вместо того чтобы броситься к какому-нибудь дереву, где ее могло бы спасти то, что она проворнее змеи, испуганная ящерица растерялась и выскочила на открытое место. Змея спустилась с шелковицы и поползла за своей жертвой, высоко подняв голову и открыв пасть. Через одну-две секунды она догнала ящерицу.

Люсьен был в восторге от только что полученного интересного урока естествознания и опять удержал Франсуа, желавшего выбежать вперед. Спрятавшись за кустами и листьями, мальчики придвинулись ближе, чтобы лучше рассмотреть движение змеи. Змея, убив ящерицу-скорпиона, осталась на земле и, вытянувшись на траве, начала пожирать добычу. Змеи не пережевывают пищу – их зубы не приспособлены для этого, змеи могут только хватать жертву зубами и убивать. Красная змея не ядовита, поэтому у нее нет таких длинных зубов, как у ядовитых особей. Вместо них у нее имеется двойной ряд острых зубов. Она очень проворна и обладает достаточной силой, чтобы сжимать противника своими кольцами, чего не может делать почти ни одна ядовитая змея. Как и все другие, красная змея глотает добычу в том виде, в каком убивает, – целиком. Так вела себя и эта змея. Поместив ящерицу прямо перед собой, она разинула пасть во всю ширину, взяла в рот голову жертвы и начала постепенно заглатывать ее. Это была любопытная картина, и мальчики с интересом наблюдали за ней.

В это время и другие глаза следили за пресмыкающимся. Его яркое кроваво-красное тело, лежавшее на траве, привлекло внимание врага, темная тень которого скользила сейчас по земле. Подняв глаза, мальчики увидели птицу, кружившую в воздухе. По ее снежно-белой голове и груди, широко раскинутым заостренным крыльям и, самое главное, по длинному раздвоенному хвосту они с первого же взгляда определили, что это за птица. То был вило-

хвостый коршун. Он кружил, или, вернее, летел по спирали, постепенно снижаясь и сужая круг. Центром этого круга являлось то место, где лежала змея. Как красиво парила эта птица в воздухе! Ее полет был идеалом непринужденности и грации – в этом отношении ни одна птица не может сравниться с коршуном. Ни один взмах его больших остроконечных крыльев не выдавал того, что ему необходима их помощь: он будто бы гордился тем, что способен держаться в воздухе и без них. К тому же движение крыльев, если бы он взмахивал ими, обратило бы на себя внимание намеченной жертвы и она почувствовала бы опасность. Коршун казался совсем белым, когда поворачивался к зрителям грудью, а когда наклонялся при повороте, на солнце сверкали его черная спина и пурпурные крылья. Это было замечательное зрелище, и юные охотники стояли в немом восхищении.

Базиль и Франсуа удивились, что коршун не бросился сразу на змею, хотя его полет явно был направлен в ее сторону. Юные охотники привыкли к тому, что именно так поступали другие хищные пернатые: краснохвостый ястреб, сапсан и скопа, – которые всегда кидаются на свою добычу прямо с высоты нескольких сотен футов. Люсьен, однако, знал, что подобный маневр могут совершать лишь те хищные птицы, у которых хвост сплошной, а не раздвоенный, такие как белоголовый орлан и только что упомянутые. Их широкие хвосты сразу пресекают движение вниз, так что разбиться о землю невозможно, но коршуны не обладают подобным качеством. Ястребы летают очень быстро и в состоянии совершать большие перелеты, однако они не в силах долго оставаться в воздухе. Они скоро устают и должны время от времени отдыхать, садясь на какое-нибудь дерево. Ястребы часто выбирают засохшие деревья на открытых местах, чтобы листья не мешали им осматривать окрестности и выслеживать добычу. Но даже этого им недостаточно, и, чтобы лучше обнаружить ее, им приходится подниматься в воздух. Коршуны же всегда или почти всегда находятся в воздухе. Они фактически живут в небесах: даже пищу они поедают на лету, держа ее в когтях. Таким образом, они имеют гораздо больше шансов увидеть свою добычу, чем их собратья из породы ястребов. Если бы коршуны могли кидаться на жертву с высоты, у них было бы неоспоримое преимущество перед ястребами, в отсутствии же этой способности Люсьен усматривал справедливый закон природы, которая уравнила преимущества этих видов птиц. Такие мысли промелькнули в голове юного натуралиста за те несколько секунд, которые прошли с момента, когда мальчики впервые заметили парящего в воздухе коршуна, и до того, как он пролетел над самыми кустами – так низко, что легко было различить красную радужную оболочку его блестящих глаз.

Только сейчас змея увидела коршуна, потому что до сих пор она была слишком занята добычей, которую наконец-то проглотила. Тень больших крыльев упала на освещенную солнцем траву прямо перед глазами змеи. Она взглянула вверх, на своего страшного врага, и все ее длинное тело содрогнулось, красный цвет вдруг поблек. Змея спрятала голову в траву, стараясь укрыться, но было поздно. Коршун снизился плавно и бесшумно, выпустив когти, и на мгновение замер в воздухе прямо над змеей. Когда он снова взмыл вверх, жертва уже извивалась в его когтях. Несколько взмахов сильных крыльев подняли коршуна над самыми высокими деревьями, но заметно было, что лететь ему тяжело. Он взмыл еще выше, и взмахи его крыльев сделались более частыми и неровными: очевидно, что-то затрудняло его полет. Змея больше не висела в когтях коршуна – она обвилась вокруг его тела. Ее блестящие кольца, наполовину скрытые в белом оперении птицы, выделялись, как красные ленты. Вдруг коршун беспорядочно замахал крыльями, затем одно его крыло исчезло из виду, и, несмотря на судорожные взмахи другого крыла, оба они – птица и змея – тяжело упали на землю близко от того места, где поднялись. Они не убились, даже не ушиблись, так как, едва коснувшись земли, начали яростную борьбу. Птица стремилась высвободиться из обвивавших ее колец, а змея старалась удержать ее. Змея словно знала, что в этом ее единственная надежда на спасение: если бы она отпустила коршуна и попыталась уползти, тот

опять схватил бы ее. Лишь потому, что змея засунула голову в траву, коршуну не удалось впиться ей в шею и прикончить сразу – в результате теперь коршун находился в незавидном положении и наверняка рад был бы свести поединок «вничью», потому что в создавшейся ситуации змея имела бесспорное преимущество.

Борьба обещала быть долгой. Змея из всех сил извивалась на земле, а птица все билась одним крылом, еще свободным, и в положении сражающихся не намечалось никаких изменений: через каждые две-три минуты они останавливались, чтобы передохнуть. Как же суждено было окончиться этому поединку? Коршун не мог убить змею, потому что у него не получалось достать до нее ни клювом, ни когтями. Свою первоначальную хватку он утратил при падении и теперь был не в состоянии возобновить ее, так как змея очень плотно обвилась вокруг его тела. Но и змея тоже не могла умертвить коршуна: хотя она и обладала способностью сжать птицу своими кольцами, сил у нее хватало лишь на то, чтобы удержать врага, но не задушить его. В этот момент оба противника хотели бы находиться как можно дальше друг от друга, но коршун не в силах был вырваться из змеиных колец, а змея под страхом смерти не решалась выпустить его.

Наши любители приключений, с интересом наблюдавшие за сражением, строили следующие предположения. Исход борьбы может предопределить третья сила, но какая? Борьба закончится, если кто-нибудь из двоих – коршун или змея – умрет с голоду. На это надеяться и вовсе не приходилось: мальчики знали, что коршун проживет без еды несколько дней, а змея – и подавно. Пресмыкающееся продержится без пищи в десять раз дольше, чем птица, тем более что змея совсем недавно сытно пообедала скорпионом, который и теперь еще находился не переваренным в ее желудке. Коршун же, очевидно, давно ничего не ел и был очень голоден, если решил напасть на кроваво-красную змею в четыре фута длиной, тогда как обычной его пищей являются саранча, аноли и маленькие зеленые змейки. Следовательно, со всех точек зрения, у змеи были явные преимущества перед птицей; да, змея наверняка окажется победительницей. К такому заключению пришли юные охотники, понаблюдав борьбу, и хотели уже выйти из кустов и отправиться по своим делам, когда новые действия сражающихся заставили мальчиков притаиться.

Коршуну удалось-таки приблизить свою голову к голове змеи, и он ударял по ней открытым клювом, стараясь схватить тварь за челюсти. При этом коршун лежал на спине – в наиболее выгодной для себя позиции. Змея из всех сил старалась укунить врага и время от времени открывала пасть, обнажая двойной ряд острых конусообразных зубов. В один из таких моментов коршун нанес ей сильный удар и захватил в клюв ее нижнюю челюсть. Змея сейчас же закрыла пасть, но острые змеиные зубы не могли повредить твердый клюв, и птица не обращала на это никакого внимания, продолжая крепко держать змею своим мощным клювом. Теперь все преимущества были на стороне коршуна, и он не собирался медлить, желая сразу использовать свое превосходство. Быстро перевернувшись при помощи крыла, он впился в землю когтями одной лапы и стал подтягивать голову змеи поближе к себе, пока она наконец не оказалась в пределах досягаемости другой его лапы. Затем одним яростным ударом коршун захватил горло врага когтями и стал сжимать его, точно тисками. Это положило конец борьбе. Красные кольца змеи ослабели и соскользнули с тела птицы. Змея еще слегка шевелилась, но это были уже предсмертные судороги. Через несколько мгновений тело ее, вытянувшись на траве, лежало без движения. Коршун вырвал клюв из челюстей пресмыкающегося, поднял голову, расправил крылья, чтобы удостовериться, что свободен, и с победным криком взмыл в воздух, а за ним потянулось, точно шлейф, длинное тело змеи-трофея.

В ту же минуту другой крик достиг ушей охотников. Вроде бы, это было эхо крика коршуна, но почему-то прозвучало оно дико и громко. Все устремили глаза туда, откуда донесся звук. Мальчики слышали подобный крик и раньше и поняли, что кричит белоголовый орлан.

Сразу же юные путешественники увидели его. Он парил высоко в небе, распустив большой хвост и раскинув широкие – семи футов в размахе – крылья. Орлан летел по прямой, направляясь к коршуну и явно желая отнять его только что завоеванную добычу. Коршун услышал крик, прозвучавший как эхо его собственного, и, понимая его значение, напряг всю силу крыльев, чтобы подняться повыше в воздух. Он, казалось, твердо решил не отдавать трофей, который достался ему с таким трудом, или по крайней мере не уступать его без боя.

Коршунам иногда удается улететь от некоторых видов орлов, так как эти царственные птицы отличаются друг от друга по скорости полета, как собаки от лошадей – по скорости бега. Коршун, очевидно, рассчитывал на мощь своих крыльев или на то, что его соперник по каким-то причинам – избыточный вес, неопытность или, наоборот, старость – не обладает необходимыми для полета силами. Во всяком случае коршун решил заставить орлана погоняться за собой, предполагая, что, если тот настигнет его, он уступит врагу добычу, как часто делает сородич коршуна – скопа. Поэтому коршун стал набирать высоту, делая круги по пятьдесят футов в диаметре, но расчет его оказался неверным: орлан не был ни слишком стар, ни молод, ни медлителен, а находился в самой лучшей форме. Юные охотники, наблюдая за его полетом, убедились в этом: никогда еще им не доводилось видеть такого замечательного представителя орлиной породы. У орлана было пышное оперение, голова и кончик хвоста – белые как снег, широкие крылья четкого рисунка. Птица была очень большая: явно самка, а не самец. Как ни странно, природа изменила себе в отношении орланов: самки их всегда быстрее в полете, крупнее, сильнее и свирепее, чем самцы...

Коршун устремился выше, изо всех сил напрягая свои остроконечные крылья, – вверх по спирали, как бы ввинчиваясь в воздух. За ним последовал и орлан, тоже по спирали, но более широкими концентрическими кругами, охватывающими орбиту полета коршуна. Вот их орбиты пересеклись, теперь они кружили параллельно. Коршун взлетел еще выше. Преследующий его орлан тоже взмыл вверх. Они стремительно приближались друг к другу. Круги их становились все уже, но, может быть, это только казалось, ведь птицы поднялись очень высоко? Вот коршун превратился в неподвижную точку, а потом пропал из виду. Орлана еще удавалось различить, как сверкающее маленькое пятнышко или кусочек белого облака на голубом небе, – возможно, это был кончик его хвоста. Наконец и он исчез – коршун и орлан словно растаяли в воздухе.

Чу! *С-с-ш!* Вы слышали этот звук, точно свист ракеты? Посмотрите, что-то упало на верхушку дерева и сломало несколько веток. Да это коршун! Он мертвый, из него сочится кровь. Чу, опять! *Ф-ш-ш-ш!* Это орлан. Видите, у него в когтях змея! Орлан камнем ринулся вниз. Полет его был так стремителен, что за ним нельзя было проследить взглядом. В двух-стах-трехстах ярдах от земли он расправил крылья и распустил, как веер, хвост, что сразу затормозило его движение. Затем несколькими размеренными взмахами крыльев он медленно поднялся над деревьями и уселся на верхушку засохшей магнолии.

Базиль схватил ружье, чтобы выстрелить. Ему негде было спрятаться, так как дерево, на которое опустился орлан, стояло на голом месте. Юный охотник знал по опыту, что приблизиться к птице верхом на лошади – его единственный шанс, поэтому он выдернул колышек, к которому был привязан Черный Ястреб, и, вскочив в седло, поскакал меж кустов. Не прошло и нескольких минут, как послышался выстрел, и орлан свалился с дерева. Это было последним звеном в цепи разрушений.

Базиль возвратился, неся большую птицу. Люсьен оказался прав – это была самка, причем очень крупная, более двенадцати фунтов весом, а размах ее крыльев равнялся семи футам. Обычно вес птиц этой породы редко превышает восемь фунтов и сами они бывают небольшими.

– Как цепь разрушений! – воскликнул Люсьен. – Одно существо служит добычей для другого.

– Да, – сказал Франсуа. – И вот что интересно: это началось с птицы и закончилось птицей. Посмотрите на них обеих! – Он указал на крошку-колибри и на огромного орлана, которые лежали в траве рядом и представляли собой резкий контраст по величине и внешнему виду.

– Ты забываешь, Франсуа, – заметил Люсьен, – что в этой цепи были еще два звена или даже больше.

– Какие же это другие звенья? – спросил Франсуа.

– Колибри подверглась нападению в то время, когда она сама являлась разрушителем, – она убивала синекрылую мушку.

– Да, тут, конечно, другое звено. Но кто убил орлана?

– Базиль. Именно он является последним звеном в цепи разрушений. И, может быть, самым преступным, – добавил Люсьен, – потому что ему это было меньше всего необходимо. Остальные существа руководствовались лишь инстинктом к добыванию пищи, тогда как целью Базиль было стремление к бессмысленному разрушению...

– Я не согласен с тобой, Люс! – прервал Базиль брата. – Дело совсем не в этом. Я застрелил орлана за то, что он убил коршуна и отнял у него добычу, вместо того чтобы потрудиться самому добыть себе пищу. Вот почему я добавил это звено к твоей цепи.

– С этой точки зрения тебя, пожалуй, можно извинить, – улыбнулся Люсьен. – Хотя я не понимаю, почему орлан больше виноват, чем коршун: орлан, как и коршун, погубил только одну жизнь.

Базиль, казалось, был немного рассержен тем, что его обвинили в бессмысленной жестокости.

– Но, – возразил он, – помимо того, что орлан лишил жизни свою жертву, он обокрал ее. Он совершил грабеж и убийство, а коршун виновен только в убийстве.

– Ха-ха-ха! – рассмеялись Люсьен и Франсуа. – Вот так рассуждение!

– Люс, – поинтересовался Франсуа, – а что ты имел в виду, когда говорил, что в этой цепи, возможно, еще много звеньев?

– Ну, вероятно, синекрылая мушка сама питалась какими-нибудь другими еще более мелкими существами, а те, в свою очередь, – мельчайшими, которые, хоть и невидимы простым глазом, все же являются живыми организмами. Кто знает, зачем природа создала эти существа? Чтобы они служили пищей друг другу? Вот вопрос, на который трудно найти удовлетворительный ответ.

– Как знать, Люс, – сказал Франсуа. – Как знать... Вдруг есть еще одно звено по другую сторону этой цепи? Базиль, что скажешь? Может, мы еще встретимся с медведями гризли? – И Франсуа захохотал.

– Если это произойдет, – парировал Базиль, – скорее всего именно ты явишься последним звеном.

– Не говори так, – одернул его Люсьен. – Я надеюсь, что в нашем путешествии мы не встретим ни гризли, ни индейцев.

– А я жажду сразиться с гризли! Что касается индейцев, я ни капельки их не боюсь, пока у меня есть вот это. – С этими словами Базиль достал из-за пазухи кожаный мешочек, подержал его с минуту в руках и спрятал обратно.

– Базиль, – оживился Франсуа, – а что это такое? Ну, пожалуйста, расскажи нам об этом мешочке! Как он спасет нас от индейцев? Мне очень хочется узнать, расскажи...

– Не сейчас, Франсуа, – снисходительным тоном старшего ответил Базиль. – Не теперь. Надо приготовить ужин и ложиться спать. Мы потеряли полдня, просушивая вещи, поэтому должны наверстать время, встав пораньше утром. А затем – в прерии!

– А затем – в прерии! – повторил Франсуа. – Да здравствуют прерии, мустанги, олени, антилопы и бизоны!

Глава XII

Три «крылатых бизона»

На следующее утро наши путешественники снова пустились в путь, и в течение нескольких дней ничего особенного с ними не приключилось. Они пересекли много больших рек, среди которых Нечес и Тринити в Техасе. Между реками Тринити и Бразос с мальчиками произошел случай, который чуть не закончился весьма печально. В жаркие дни юные охотники делали в полдень привал, чтобы отдохнуть самим и дать отдых животным: данный обычай большинства путешественников в диких местах получил название «полдник». С этой целью мальчики остановились однажды на опушке леса и спешили. Позади них был лес – они его только что проехали, а перед ними расстилалась прерия, которую они намеревались пересечь вечером, когда будет прохладнее. Поверхность прерии, совершенно гладкую, покрывал зеленый ковер бизоновой травы. Однообразие картины нарушалось лишь время от времени попадавшимися островками низкого кустарника. Вдали виднелся густой лес вечнозеленых дубов, окаймлявший прерию с противоположной стороны, и, хотя лес, казалось, был всего в двух-трех милях, на самом деле он отстоял от места привала не менее чем на десять миль – так обманчив прозрачный воздух этой возвышенной местности. Мальчики находились в так называемой лесистой прерии, в которой встречаются рощицы и лески. Наши путешественники уже собирались расседлать лошадей, как вдруг Франсуа закричал:

– Смотрите! – Он указал на прерию: – Там бизоны, бизоны!

Базиль и Люсьен поглядели в указанном направлении – на гребне небольшой возвышенности виднелись три больших темных силуэта, они двигались, и один из них был явно меньше остальных.

– Конечно же, это бизоны! – уверял Франсуа. – Видите, какие они большие? Это, без сомнения, два быка и корова.

Братья не спорили. Никто из юных охотников никогда не видел бизонов в их родной пустыне, и, конечно, у ребят было туманное представление о том, как должны выглядеть эти животные на расстоянии. Да, похоже, это бизоны. Лоси или олени казались бы рыжими, волки – рыжеватыми или белыми, медведи не стали бы ходить по прерии втроем, – если только это не гризли, которые действительно иногда выбирают на открытое место, чтобы выкопать себе репу или другие корни. Однако гризли почти никогда не заходят далеко на восток, так что это явно не они. Ясно, что это и не мустанги. Кто же остается? Разумеется, бизоны. Как и все, кто видит бизонов на пастбищах впервые, охотники пришли в сильное волнение главным образом потому, что встреча с этими животными являлась основной целью их экспедиции – долгой и опасной. Братья стали совещаться, как добыть этих животных. Да, среди трех бизонов не было ни одного белого, но сейчас это не имело значения. Нашим друзьям хотелось попробовать мяса бизонов, а погоня за ними послужила бы братьям хорошей практикой, которая могла пригодиться в дальнейшем. Но какой способ охоты применить в данном случае?

– Конечно, погоню! – заявил Франсуа с видом опытного знатока.

В прериях существуют несколько способов охоты на бизонов, применяемых как белыми, так и индейцами. Наиболее распространенный из них тот, о котором говорил Франсуа, – погоня. Этот способ состоит в том, что охотник верхом на лошади догоняет бизона и стреляет ему в сердце. Попасть надо обязательно в область сердца: иначе вы можете выпустить в тело животного хоть двадцать пуль, а бизон все-таки ухитрится уйти от вас. Охотники целятся немного выше груди и пониже плеча. Белые охотники стреляют из ружья или из большого пистолета, который лучше подходит в данном случае, ибо его легче заряжать на скаку. Индейцы предпочитают лук, так как могут быстро посылать стрелу за стрелой,

убивая за одну погоню сразу нескольких бизонов. Индейцы так хорошо владеют этим оружием, что их стрелы иногда пронизывают тело бизона насквозь и выходят с другой стороны. Порой индейцы применяют копья, которые мечут в бизонов, поравнявшись с ними.

Второй способ охоты на этих животных – скрад. Он состоит в том, что охотники незаметно подкрадываются к бизонам на расстояние выстрела, затем стреляют из ружья, снова заряжают и снова стреляют, и так далее, пока не убивают многих, прежде чем животные успевают убежать. Иногда охотник подкрадывается совсем близко и, прячась за телами уже убитых бизонов, ведет огонь, пока не уничтожит почти все стадо. В таких случаях охотник старается держаться с подветренной стороны, иначе эти животные, обладающие гораздо более острым обонянием, чем зрением, почуяв его, мгновенно убегают. У бизонов такое острое чутье, что они могут обнаружить врага, если он подходит с наветренной стороны, даже на расстоянии мили и более. Применяя способ скрада, охотник иногда надевает на себя шкуру волка или оленя, и бизоны, принимая его за одного из этих животных, подпускают его на расстояние выстрела. Рассказывают, что один индеец пробрался таким образом в середину стада и перестрелял из лука всех бизонов одного за другим. Скрад порой эффективнее, чем погоня. В этом случае охотник бережет свою лошадь, нередко измученную, может убить большое количество бизонов и получить много шкур. Если же это путешественник или траппер, занимающийся ловлей бобров, который просто хочет добыть себе бизона на обед и ему не нужно более одного, погоня является наиболее верным способом. В таком случае, однако, охотник сможет убить лишь одного или от силы двух-трех, так как, пока он стреляет в одних и перезаряжает ружье, стадо разбегается, а измученная лошадь уже не в силах продолжать погоню.

Третий способ охоты на бизонов – окружение – применяется только индейцами, поскольку белые охотники редко выезжают в прерии в таком количестве, чтобы быть в состоянии окружить стадо. Название объясняет характер этой охоты, которая производится следующим образом. При обнаружении бизонов индейцы – как и все в прериях, они охотятся, конечно, верхом, – рассыпаются и на своих быстрых лошадях окружают стадо. Едва круг замыкается, индейцы с громкими криками скачут внутрь и сгоняют всех бизонов в центр, в тесную группу. Затем набрасываются на них с луками и копьями, и каждый охотник убивает, сколько может. Бизоны пугаются, мечутся туда-сюда, и лишь немногим удается убежать. За одну такую облаву индейцы иногда истребляют стадо, состоящее из сотен или даже тысяч бизонов. Индейцы совершают такое массовое уничтожение с двумя целями: во-первых, чтобы добыть мясо, которое они сохраняют путем вяления, разрезая на тонкие длинные куски и высушивая на солнце, а во-вторых, чтобы добыть шкуры – они делают из них одежду и покрывают ими свои палатки и постели. Кроме того, индейцы, специально явившись в фактории белых, расположенные в отдаленных районах, обменивают у них шкуры бизонов на ножи, ружья, пули, порох, бусы и киноварь.

Известен еще один способ охоты на бизонов, распространенный у индейцев. Он не похож на окружение, но не менее жесток. Большая часть мест, где водятся бизоны, представляет собой высокие прерии, которые в Азии называют степями, а в Мексике и Южной Америке – столовыми горами или плато. Такие равнины находятся на высоте от трех до шести тысяч футов над уровнем моря. Во многих местах этих плато имеются каньоны, или, что вернее, барранкосы, которые, вероятно, образовались под влиянием размывших их потоков воды во время дождей. Каньоны обычно сухие и представляют собой огромные расселины, которые тянутся на десятки миль, а глубина их доходит до тысячи и более футов. Иногда две такие расселины пересекаются, образуя треугольник или «полуостров», и путешественник, попав туда, должен повернуть обратно, поскольку он окружен пропастями, уходящими вглубь земли. Если индейцам удастся пригнать бизонов к одному из таких каньонов, они окружают животных с трех сторон и гонят прямо к пропасти. Как только бизоны приближа-

ются к обрыву, индейцы бросаются на них с дикими воплями, и звери, обезумев от страха, слепо кидаются вперед. Все стадо иногда прыгает в пропасть: передних подталкивают задние, а те в свою очередь вынуждены прыгать, иначе преследующие их всадники вонзят в них копыта. Если индейцев недостаточно много, чтобы окружить стадо, они собирают сухой помет и складывают его так, что получается нечто похожее на человеческие фигуры. Помет размещают двумя рядами, которые постепенно сближаются и ведут к обрыву. Индейцы гонят бизонов между этими рядами, и животные, принимая кучи помета за людей, мчатся вперед, к краю пропасти, где охотники совершают шумный набег и заставляют бизонов прыгать в бездну.

Можно назвать и другие методы охоты, например, преследование по снегу, когда охотники на лыжах легко нагоняют бизонов и убивают их. Некоторые мексиканские охотники (в южных прериях их называют *сиболéрос*) ловят бизонов при помощи лассо, правда, нечасто – обычно лишь в тех случаях, когда ставится цель поймать молодых телят живыми, чтобы вырастить их. Все эти способы были известны и нашим юношам: они слышали о них от старых трапперов, приходивших в Луизиану и иногда ночевавших в доме их отца, – полковник очень любил принимать у себя бывалых трапперов и слушать их увлекательные рассказы. Вот откуда Франсуа и почерпнул свои знания об охоте на бизонов и вот почему он воскликнул: «Конечно, погоню!»

Базиль и Люсьен задумались, не сводя глаз с трех бизонов, – что ж, неплохо, как раз по одному на каждого охотника. Мальчики могли разделить и погнаться каждый за своим животным, тем более что поблизости не имелось никакого укрытия, следовательно, метод скрада оказывался неподходящим. Кроме того, лошади чувствовали себя отлично, ибо накануне было воскресенье, а наши путешественники взяли за правило всегда по воскресеньям давать отдых и себе и своим животным – так велел им отец перед отправкой в путь. Взвесив все обстоятельства, юноши решили применить погоню. Жаннет привязали к дереву и оставили позади со всей поклажей, которая еще не была снята с ее седла. Маренго, конечно, взяли с собой – пес мог пригодиться, чтобы затравить старого бизона, если удастся его ранить. Все, что могло помешать в операции, оставили с Жаннет, после чего все трое поскакали в прерию по направлению к стаду. Мальчики договорились, что каждый наметит себе одного бизона и затем при помощи ружья и пистолета сделает все от него зависящее. Франсуа зарядил оба ствола крупной дробью и пребывал в уверенности, что вот-вот подстрелит своего первого бизона. Когда охотники подскакали поближе, их внимание привлекло то, что тела животных как-то странно блестят. Вдруг это и не бизоны? Братья сбавили скорость и внимательно взгляделись в животных. Нет, это не бизоны. Грубая косматая шкура бизонов не могла так блестеть, а шкура животных так и отливала на солнце при каждом движении.

– Это не бизоны, – сказал Люсьен, после того как внимательно взгляделся, приложив к глазам руку козырьком.

– Кто же это тогда? – спросил Франсуа.

– Послушайте! – ответил Люсьен. – Слышите?

Все трое натянули поводья и остановились. Они ясно различили громкое *гобл-обл-обл*.

– О боже, – воскликнул Франсуа, – да это кричит старый индейский петух!

– Вот именно, – улыбнулся Люсьен. – Это дикие индейки.

– Индейки? – отозвался Базиль. – Так мы индеек приняли за бизонов? Какой ужас!

Все трое в недоумении посмотрели друг на друга и от души расхохотались.

– Позор! – смеялся Базиль. – Давайте не будем никому об этом рассказывать, иначе над нами все станут потешаться.

– Ничуть, – возразил Люсьен. – Такие ошибки в прерии часто совершают и старые охотники. Это очень распространенный атмосферический обман зрения. Я слышал о еще худших случаях – как ворону принимали за бизона!

– Значит, когда мы встретим бизонов, мы, наверное, примем их за мамонтов? – продолжал смеяться Франсуа.

А потом разочарованные охотники сосредоточились на том, чтобы поймать всех трех «крылатых бизонов».

Глава XIII

Охота за дикими индейками

– Вперед! – воскликнул Базиль, пришпоривая коня. – Вперед! В конце концов не так уж плохо добыть на обед жирную индейку. Поехали!

– Подожди, Базиль, – остановил его Люсьен. – Как мы к ним приблизимся? Они же на открытой местности – нам спрятаться негде.

– Нам не нужно никакого укрытия. Мы просто догоним их, как если б это были бизоны.

– Ха-ха-ха! – смеялся Франсуа. – Погоня за индейками! Да они улетят тотчас! Какие глупости ты говоришь, Базиль!

– Никакие не глупости, – обиделся Базиль. – Это можно сделать. Я часто слышал о подобных случаях от трапперов, а теперь давайте попробуем сами это осуществить.

– Ну ладно, как скажешь, – согласились Франсуа и Люсьен, и все трое двинулись вперед.

Когда мальчики подъехали достаточно близко, чтобы различить очертания птиц, они заметили двух старых индюков и одну индейку. Индюки важно расхаживали, распушив хвосты, точно веера, и волочили по траве крылья. Время от времени они издавали громкое *гобл-обл-обл*, и по всему было ясно, что это два соперника и что дело закончится битвой. Самка со спокойным и кокетливым видом гордо шествовала по траве, хорошо понимая, что возбуждает горячий интерес в сердцах воинственных поклонников. Она была намного меньше их и не столь яркая по оперению, самцы же сверкали разноцветными красками, не уступая павлинам. Их глянцевиные спины отливали на солнце металлическим блеском, и наши охотники вынуждены были признать, что никогда еще не видели таких красивых птиц.

Поглощенные ссорой индюки, конечно, не смогли бы помешать охотникам приблизиться на расстояние выстрела, самка, однако, была настороже и, заметив мальчиков, подняла голову с громким криком, который привлек внимание ее кавалеров. В одно мгновение индюки закрыли и опустили распушенные хвосты, сложили крылья и вытянули длинные шеи. Внешность их совершенно изменилась, и они стояли теперь прямо, причем каждый оказался футов пяти ростом.

– Какие дивные создания! – воскликнул Люсьен.

– Да, – прошептал Базиль, – однако они не будут нас дожидаться, нам лучше атаковать их сейчас же. Ты бери индейку, Люсьен, – твоя лошадь не такая резвая, как наши. Приготовились! Начали!

Все трое пришпорили лошадей и рванулись вперед. Через мгновение охотники были уже ярдах в ста от индеек. Птицы, застигнутые врасплох, пробежали несколько шагов, а затем поднялись в воздух, громко хлопая крыльями. Второпях они все трое полетели в разных направлениях. Каждый мальчик выбрал себе ту птицу, которую намеревался преследовать, и охотился уже теперь только за ней. Базиль и Франсуа поскакали за индюками, а Люсьен спокойным галопом – за индейкой. Маренго, конечно, тоже участвовал в погоне, примкнув к Люсьену: может быть, пес как-то определил для себя, что мясо самки вкуснее, или сообразил, что поймать ее легче, чем остальных.

Индейка летела недолго и, опустившись на землю, со всех ног побежала прямо к ближайшему леску. Туда направился и Люсьен вслед за Маренго – пес время от времени громко лаял. Люсьен въехал в лесок и увидел, что собака стоит под большим дубом. Маренго загнал индейку на дерево и теперь смотрел на нее, задрав морду, лая и помахивая хвостом. Люсьен осторожно приблизился к дереву и увидел индейку, затаившуюся среди покрытых мхом ветвей дуба. Люсьен вскинул ружье, раздался выстрел – и птица покатилась вниз, задевая телом за листву. Маренго кинулся к индейке, как только она оказалась на земле, но хозяин, соско-

чив с лошади, отогнал собаку и поднял добычу – птица была мертвая. Люсьен опять сел на лошадь, выехал из-за деревьев и увидел Базиля, скачущего далеко в прерии. Базиль летел во весь опор, а на некотором расстоянии впереди него виднелся индюк, который распростер крылья и бежал, как страус. Оба они – Базиль и индюк – скоро скрылись из виду за одним из лесных островков. Люсьен поискал глазами Франсуа, но его нигде не было видно, так как он преследовал своего индюка в том направлении, где купы деревьев смыкались очень тесно. Решив, что нет смысла ехать вслед ни старшему, ни младшему брату, Люсьен медленно двинулся обратно – туда, где на опушке леса стояла привязанной Жаннет. Здесь он сошел с лошади, решив подождать братьев.

Погоня Базиля оказалась более длительной, чем он предполагал. Он выбрал самую большую птицу, которая, естественно, являлась наиболее сильной и выносливой. В первый же взлет индюк пролетел расстояние около мили, а когда сел на землю, то побежал, как испуганная кошка. Базиля трудно было обескуражить, и, пришпорив коня, он быстро нагнал птицу. Индюк снова взлетел и преодолел еще полмили. Базиль настиг его, и опять старый петух поднялся в воздух, правда, на этот раз он одолел лишь ярдов сто и опустился. Базиль на своем быстром коне скоро догнал его. Индюк был уже не в состоянии лететь дальше, однако бежать он мог еще довольно быстро и там, где дорога шла в гору, намного опередил лошадь. Но под гору та скакала быстрее. Так продолжалось, пока птица не начала кружить и петлять, выказывая все признаки усталости. Несколько раз лошадь буквально наскакивала на индюка, но он поворачивал и менял направление. Погоня продолжалась долго. Наконец совершенно измученная птица припала к земле и спрятала голову и длинную шею в заросли, как страус, вообразив, что таким образом укрылась от своего преследователя. Базиль натянул поводья, поднял ружье, и в следующее мгновение пуля пронзила индюка – он вытянулся мертвый на траве. Базиль сошел с лошади и, подняв индюка, привязал его за ноги к луке седла. Для этого юноше пришлось напрячь все силы, так как птица была очень крупная и весила фунтов сорок. Затем Базиль вскочил в седло и пустился в путь. Но куда? Этот вопрос он сразу задал себе, едва лошадь сделала несколько шагов. Куда ехать?

Вдруг мозг его пронзила мысль, что он заблудился. Со всех сторон его окружали рожицы, все они походили друг на друга, а если и отличались чем-нибудь, то во время своего дикого галопа он не заметил в них никакого различия. Он не имел ни малейшего представления о том, откуда приехал, и поэтому не знал, куда возвращаться. Базиль ясно видел и понимал, что попал в беду.

Читатели не могут вообразить, какие мысли приходят в голову тем, кто заблудился в прериях. В таком положении дрогнет сердце даже у старых опытных трапперов. Самые мужественные люди впадали в страх, оказавшись одни в пустыне, и они имели для этого все основания, ибо знали, что это часто заканчивается гибелью. Потерпевший кораблекрушение моряк в жалкой лодчонке и то находится не в таком ужасном положении, как путешественник, заблудившийся в открытой прерии, – были случаи, когда попавшие в беду люди при таких обстоятельствах лишались рассудка. Представьте же себе чувства Базиля! Но я уже говорил, что это был храбрый и выдержанный юноша. Таким он показал себя и на этот раз. Он не потерял присутствия духа. Пустив лошадь шагом, Базиль стал внимательно оглядывать прерию, хотя это ни к чему не привело, – место было совершенно незнакомое. Базиль громко крикнул, но не услышал ни эха, ни ответа. Он выстрелил и подождал, думая, что Люсьен и Франсуа ответят ему тем же сигналом, – увы, напрасно. Он перезарядил ружье и некоторое время посидел в седле, погруженный в раздумья.

– Вот что надо сделать! – воскликнул он, приподнимаясь на стременах. – Какой я глупый, что не догадался сразу! Вперед, Черный Ястреб! Мы еще поборемся!

Базиля приучили к охоте с малых лет, и, хотя его опыт в прериях был не так уж велик, ему пригодились навыки лесной охоты. Ему пришла в голову правильная мысль –

вернуться назад по своим собственным следам. Только это и могло, наверное, спасти его. Базиль повернул лошадь и, пристально глядя в землю, медленно поехал вперед. Трава была жесткая, и следы копыт не глубоки, но Базиль обладал зорким глазом охотника – он умел идти по следу даже молодого оленя. Через несколько минут юноша достиг того участка, где Люсьен убил индейку, – на земле виднелись следы крови, валялись перья. Здесь Базиль немного задержался, пока не определил направление, которое вывело его сюда, а потом он медленно двинулся по старому следу. После того как он преодолел некоторое расстояние, след вдруг стал расходиться в разные стороны. Базиль послал лошадь по одному из направлений и скоро вновь оказался почти на том же самом месте. Следы расходились, не удаляясь больше чем на сто ярдов от участка, где была застрелена индейка. Все эти повороты молодой охотник проделывал с величайшим старанием и терпением. Здесь сказались его рассудительность и знание охотничьего ремесла, ибо, прояви он нетерпение и сделай больший круг, чтобы найти след, он попал бы на свои же только что оставленные следы и, таким образом, очутился бы в настоящем лабиринте.

Вскоре круги, которые совершал Базиль, стали больше, и, к своей великой радости, он догадался, что движется по прямой линии. Следы его пересекались с множеством лошадиных следов, и некоторые из них были почти такие же свежие, как у его лошади. Но они не сбили Базиль с толку: это понял, что это следы мустангов, и, хотя Черный Ястреб тоже не был подкован, Базиль знал следы его копыт так же хорошо, как собственное ружье. Следы арабского коня были значительно крупнее, чем у диких лошадей. После того как Базиль проехал назад по своему следу около часа, все время глядя на землю, он вдруг услышал, что его окликнули по имени. Подняв голову, он увидел на опушке леса Люсьена. С радостным возгласом Базиль прищипорил лошадь и поскакал вперед, однако, когда он приблизился, восторг сменился мучительным предчувствием: здесь были Люсьен, Жаннет и Маренго, а Франсуа?

– Где Франсуа? – спросил Люсьен, как только Базиль подъехал.

Старший брат с трудом мог говорить – настолько он был взволнован:

– А разве Франсуа не возвращался?

– Нет, – ответил Люсьен. – Я думал, он с тобой и вы вернетесь вместе. Я удивлялся, что задержало вас так долго.

– Боже, он заблудился! – простонал Базиль, чуть не падая с лошади. – Люсьен, он погиб!

– Что? – напрягся Люсьен, решив, что на Франсуа напали индейцы или какой-нибудь дикий зверь. – С ним что-то случилось? Говори, Базиль!

– Нет, я точно не знаю, – произнес Базиль почти в отчаянии. – Я только предположил... может, он заблудился в прерии? Ты не знаешь, Люс, что это такое! Это ужасно! Я тоже заблудился, но нашел дорогу назад, а Франсуа, наш бедный маленький Франсуа, вряд ли справится с такой задачей, для него нет никакой надежды, он погиб!

– Но разве ты не видел его, с тех пор как мы все трое разделились? – закричал Люсьен.

– Нет! Я же сказал, что я сам заблудился и все время искал дорогу. Мне удалось вернуться лишь потому, что я ехал по собственному следу, иначе мы с тобой уже больше никогда не увиделись бы. О Франсуа, бедный братец, что с ним будет?!

Люсьен разделял мрачные предчувствия Базилья. До этого момента он предполагал, что братья отправились вместе и что-нибудь задержало их в пути: возможно, разорвался стремянный ремень или лопнула подпруга – мало ли, всякое бывает, – и Люсьен начал уже волноваться, когда показался Базиль. Люсьен не знал, что это значит – заблудиться в прерии, но бессвязные объяснения не на шутку встревоженного Базилья не оставляли сомнений в том, что это нечто страшное и может весьма плохо кончиться, – во всяком случае теперь Люсьен хорошо понимал угрозу, нависшую над Франсуа. Однако не время было предаваться горю. Люсьен видел, что Базиль почти лишился своего обычного мужества, очевидно, потому, что

считал себя причиной несчастья, случившегося с Франсуа, ведь именно Базилю принадлежала идея погнаться за индейками, и он сам возглавил погоню. И Базиль, и Люсьен осознали, что надо немедленно принимать меры для спасения пропавшего брата.

– Что делать? – спросил Люсьен. Базиль, вроде бы, пришел в себя, выйдя из оцепенения. Надежда на спасение Франсуа вернула ему обычные энергию и стойкость. – Может, нам лучше остаться здесь? – робко предложил Люсьен, уверенный в том, что его опытный и рассудительный брат в любом случае найдет выход из положения.

– Нет, – ответил Базиль, – это бессмысленно. Даже я не смог бы найти путь обратно, если б не следы моей лошади. Франсуа не догадается, но если это и придет ему в голову, его лошадь – мустанг, а прерия во всех направлениях истоптана следами мустангов. Нет-нет, он никогда не вернется сюда самостоятельно – разве только случайно, а это один шанс из тысячи. Мы должны найти его. Мы пойдем по его следу. Впрочем, боюсь, что и это не поможет: тут слишком много всяких следов. Но прежде чем двинуться на поиски, – продолжал Базиль, – давай испробуем все средства, которые у нас еще остались. Твое ружье заряжено?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.